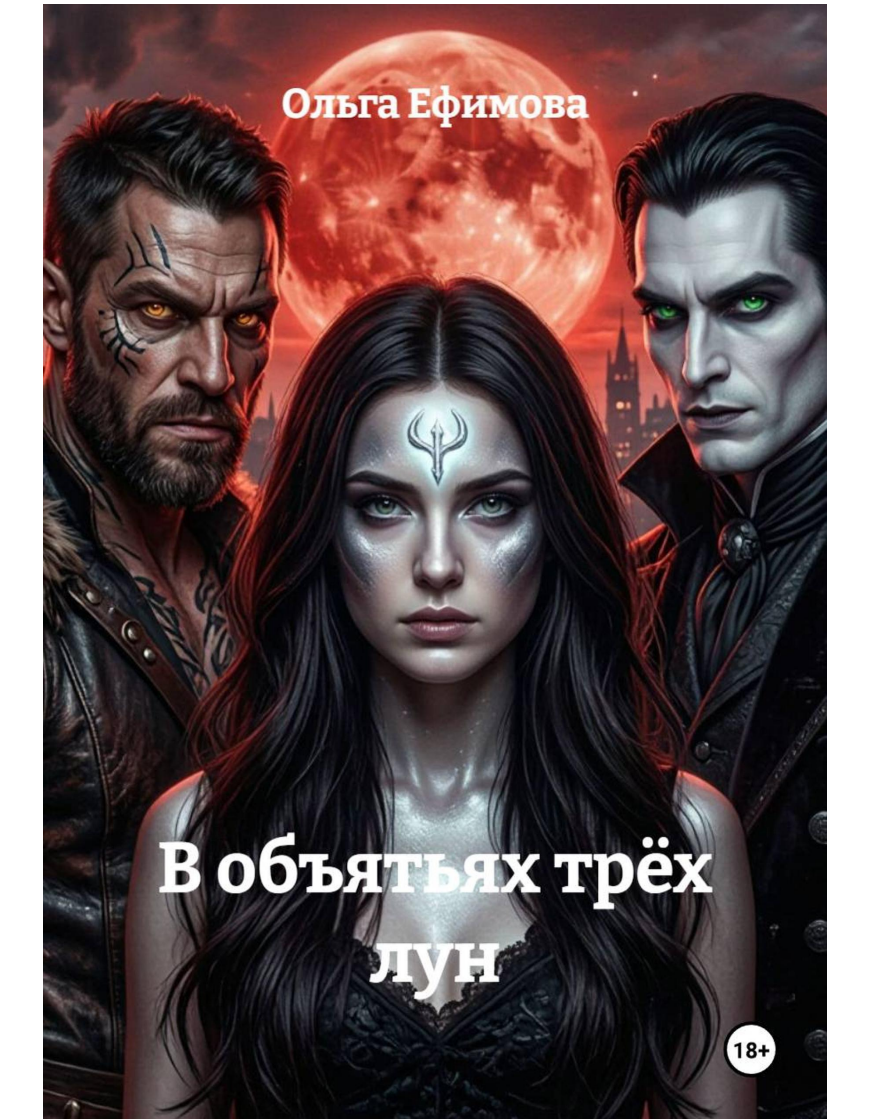

Ольга Ефимова

В объятиях трёх
лун

18+

Ольга Ефимова

В объятьях трёх лун

<https://litres.ru/74389322>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — дочь Альфы волчьей стаи. Он — принц вампирского клана. Между ними — три кровавые луны в месяц, когда мир трещит по швам, а она должна выбрать, чью сторону принять.

Алиса Воронова — единственная, кто не принадлежит ни одному клану, но обязана обоим. Волки требуют её верности. Вампиры жаждут её силы. А между ними — её собственное сердце, разрывающееся между любовью и долгом.

Когда на границе территорий находят мёртвого волка с древней печатью, которой не должно существовать, Алиса оказывается в эпицентре заговора, который может уничтожить всех. Единственный способ спасти город — стать невестой трёх: волка, вампира и человека между ними.

Но цена — её жизнь. Её душа. Её свобода.

«В объятьях трёх лун» — это история о выборе, который невозможно сделать. О любви, которая не знает границ. И о жертве, которая меняет мир.

Содержание

Часть I. Кровавая луна	4
Глава 1. Серебряный запах	4
Глава 2. Гости из тени	22
Глава 3. Три луны над городом	38
Глава 4. Первое убийство	53
Глава 5. Поцелуй под угрозой	66
Глава 6. Печать Третьей Луны	80
Глава 7. Отец и дочь	92
Глава 8. Ночь Кровавой Луны	103
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Ольга Ефимова

В объятьях трёх лун

Часть I. Кровавая луна

Глава 1. Серебряный запах

Алиса проснулась от запаха.

Он был тонким, почти невесомым — как лезвие бритвы, которое проводят по внутренней стороне запястья, чтобы проверить, остро ли оно. Серебряный запах. Так пахнет тревога, смешанная с озоном, когда небо за мгновение до грозы становится липким и тяжелым. Она лежала неподвижно, прислушиваясь к себе, — мышцы свело от напряжения, сердце билось ровно, но с каким-то сбивчивым, испуганным ритмом. Так бьется сердце у зверя, который почуял опасность, но еще не понял, откуда она исходит.

За окном было серо. Рассвет в этом районе города всегда приходил поздно — высокие стены промышленных зданий закрывали горизонт, и только узкая полоса неба над крышами успевала налиться бледным, больным золотом, прежде чем тучи затягивали ее снова. Но сегодня небо было чистым. Слишком чистым.

Алиса села, сбрасывая одеяло на пол. Ступни коснулись холодного ламината, и она поморщилась — квартира остыла за ночь. Вентиляция, всегда работающая на границе территорий, приносила странный воздух: смесь волчьей сырости с индустриальной гарью и вампирским холодом, который лип к коже как невидимая паутина. Она жила здесь три года, с тех пор как ушла из дома отца, но до сих пор не привыкла. Каждое утро начиналось с одного и того же — нужно было выбрать, в какую сторону повернуть голову: к окну, выходящему на волчьи трубы, или к двери, за которой начиналась вампирская ночь.

Алиса встала и подошла к окну. На стекле не было инея, хотя календарь упрямо показывал конец октября. Она провела пальцем по поверхности и посмотрела на отпечаток — кожа покрылась тонкой коркой льда за секунду. Этот холод не имел ничего общего с погодой. Это была магия. Кто-то на той стороне готовился к Кровавой Луне.

— Хватит, — сказала она вслух, и голос прозвучал глухо в пустой комнате. — Хватит смотреть.

Она отошла от окна и направилась в ванную. В зеркале над раковиной отразилась девушка с лицом, которое перестало казаться ей своим. Тонкие черты, бледная кожа, под глазами — синева, которой не было еще неделю назад. Волосы цвета воронова крыла — слишком черные, даже для волчьей крови, — рассыпались по плечам тяжелыми прядями. Она смотрела на свое отражение и видела в нем что-то

чужое. Что-то, что просыпалось вместе с ней каждое утро, но не было ею.

Вода из крана шла ледяная. Она умылась, и холод обжег лицо, заставив глаза защипать. Алиса подняла голову и снова посмотрела в зеркало. Теперь на ее лбу, чуть выше переносицы, проступил тонкий серебряный узор — веточка с тремя листьями. Она замерла. Знак появлялся только перед тремя ночами в месяц, когда луна была опасна для всех. И сегодня — первый день.

Она прижала палец к виску и нажала — узор исчез, втянулся под кожу, как испуганный зверь. Никто не должен был его видеть. Ни волки, ни тем более вампиры. Этот знак был тайной, которую она хранила с детства. Единственной вещью, которая делала ее не просто «девушкой на границе», а чем-то большим. Или меньшим. Она до сих пор не решила.

Телефон на тумбочке завибрировал. Алиса вытерла лицо полотенцем и взяла его — экран горел белым, и на нем светилось имя, от которого внутри все сжалось. «Дмитрий». Она не ответила. Он звонил уже пятый раз за утро, и каждый раз она чувствовала его голос — тяжелый, как камни, которые бросают в воду. Он был ее женихом. Или почти женихом. Так решил ее отец, Альфа Виктор Воронов, который не спрашивал согласия дочери, а просто диктовал условия. «Ты выйдешь за Дмитрия Волкова, и стаи объединятся», — сказал он три месяца назад, и в его словах не было места для возражений.

Но Алиса тянула время.

Она перевела телефон в беззвучный режим и пошла на кухню. Кофеварка зашипела, наполняя комнату горьким ароматом. Алиса налила черный напиток в кружку, обхватила ее ладонями и села на подоконник, глядя на город. Отсюда было видно, как утренний свет делит пространство на две половины: справа — серая, дымная, где за высокими заборами кипела жизнь волков; слева — темная, даже днём казавшаяся сумеречной, с острыми шпилями старых особняков вампиров. А в центре — нейтральная полоса, где жили люди, ничего не знающие о том, что происходит за стенами.

Люди. Она смотрела на них и завидовала. Они просыпались, пили кофе, ссорились из-за счетов, радовались солнцу и не знали, что три ночи в месяц небо над ними становится кровавым, голубым или полным — и в эти ночи звери выходили на охоту.

Алиса сделала глоток. Кофе обжег язык, но она не почувствовала боли — только вкус, отдающий металлом. Это был еще один знак. Ее тело менялось. Каждую неделю и каждую ночь, во время сна, ей являлись сны, где над ней застыли три луны — и она никак не могла определить, какая из них подлинная.

Входная дверь распахнулась без звонка. Алиса не вздрогнула — она знала, кто это. Только один человек мог войти в ее квартиру, даже не постучав.

— Ты не отвечаешь, — сказал Дмитрий, входя в кухню.

Он был высоким, широкоплечим, с челюстью, которая казалась вырубленной из гранита, и глазами цвета старого серебра. Сейчас они горели — не гневом, нет, — чем-то более древним. Звериным. — Я звонил тебе пять раз.

— Я не обязана отвечать тебе, Дмитрий, — сказала Алиса, не поворачиваясь. Она смотрела в окно, но видела его отражение в стекле — он стоял в дверях, скрестив руки на груди, и его тень падала на пол как волчья. У него была привычка всегда быть на полшага ближе, чем нужно. — Что ты здесь делаешь? Твоя территория на другой стороне.

— Моя территория там, где ты, — ответил он, делая шаг вперед. Запахло влажной шерстью и железом — так пахнут волки, когда они злы. Или когда они хотят защищать. Алиса не могла отличить эти два состояния у Дмитрия. — Ты не пришла на общее собрание. Отец просил передать тебе, что сегодня вечером вампиры приезжают к нам. Официальный визит.

Алиса, наконец, повернулась. Взгляды встретились, и она увидела в его глазах то, что он пытался скрыть: ревность. Смешанную с гневом и с чем-то еще, что он сам, вероятно, не мог назвать.

— Я знаю, — сказала она спокойно. — Я читала письмо.

— Тогда почему ты не пришла? — Дмитрий шагнул к ней еще ближе, и она почувствовала его запах теперь не как запах зверя, а как запах человека, которого когда-то любила. Это было сложно — разделить одно от другого. — Мы должны

были обсудить, как встретить их. Моего отца нет в городе, и я отвечаю за стаю. Ты — моя невеста, Алиса. Ты должна быть со мной.

Она поставила кружку на подоконник и медленно, очень медленно, поднялась. Она была ниже него почти на голову, но это не имело значения — она смотрела на него сверху вниз, и в этом взгляде было столько льда, сколько не могло дать ни одно вампирское проклятие.

— Я твоя невеста только потому, что так решил мой отец, — сказала она тихо. — И я тяну время, Дмитрий. Ты знаешь это. Ты чувствуешь это каждую ночь, когда я не прихожу к тебе. Когда не сплю в твоей постели. Почему ты не требуешь от меня ответа?

Он молчал. Его руки сжались в кулаки, и она увидела, как на костяшках вздулись вены — верный признак того, что он едва сдерживает превращение. Дмитрий не умел проигрывать. Он не умел ждать. И она знала, что именно это делает его опасным — не ярость, не сила, а эта неспособность отпустить контроль.

— Потому что я знаю, что ты скажешь, — произнес он, наконец, и голос его был низким, хриплым. — Ты скажешь, что я не нужен тебе. Что ты сама решаешь свою судьбу. Но это не так, Алиса. Ты не решаешь. Ты — дочь Альфы. И однажды тебе придется выбрать.

Она сделала шаг к нему. Один шаг — и оказалась так близко, что могла слышать биение его сердца. Оно было

быстрым, как у загнанного зверя, хотя на лице не отражалось ни страха, ни неуверенности.

— А что, если я выберу не тебя? — спросила она шепотом.

Дмитрий дернулся, как от удара. На мгновение его глаза полыхнули желтым — волчьим светом, который она видела только в ночи Полной Луны. Но он сдержался. Он всегда сдерживался перед ней.

— Тогда я убью того, кого ты выберешь, — сказал он просто. — Или умру сам. Но я не позволю тебе уйти к ним.

Она отстранилась. Ее сердце билось ровно, хотя внутри все дрожало от напряжения. Алиса не боялась его угроз — она знала, что Дмитрий никогда не поднимет на нее руку. Но она боялась за него. За то, что он превратится в того, кого она перестанет узнавать.

— Сегодня вечером, — сказала она, меняя тему. — Вампиры. Я приду. Но не как твоя невеста, Дмитрий. Я приду как Хранительница. Потому что именно это я и есть.

Он хотел возразить, но она уже повернулась к нему спиной и пошла в комнату. Она слышала, как он стоит в дверях, как его дыхание становится тяжелым, как он сжимает и разжимает кулаки, пытаясь унять зверя внутри. Но он не пошел за ней. И через минуту дверь хлопнула — сильно, с такой силой, что задребезжали стекла.

Алиса села на кровать и уткнулась лицом в ладони. Она не плакала. Она не умела плакать с тех пор, как мать исчезла.

Вместо слез внутри нее поднималось что-то другое — холодная, жгучая ярость, которая требовала выхода. Но она сдерживала и ее. Как всегда.

Телефон снова завибрировал. На этот раз не Дмитрий. На экране высветилось короткое сообщение, без номера отправителя. Только слова: «Сегодня ночью — Кровавая Луна. Помни, кто ты». Алиса стерла сообщение и отбросила телефон в сторону. Она знала, кто это. Мать. Вернее, та, кого она считала матерью, хотя не видела ее двадцать лет. Жрица. Та, кто создала барьер и исчезла.

Алиса подошла к шкафу и достала старую кожаную куртку — подарок отца на восемнадцатилетие. Кожа была мягкой, поношенной, пахла дымом и волчьей стаей. Она надела ее, застегнула молнию и на секунду задержала руку на металлическом замке. Он был холодным, как все, что касалось ее жизни.

— Сегодня ночью Кровавая Луна, — прошептала она. — А завтра будет поздно.

Город разделялся на три части — это знали все, кто жил в нем дольше года. Центр, где обитали люди, ничего не подозревающие, — самый большой, самый шумный и самый безопасный для тех, кто не умеет видеть в темноте. Промышленный район на востоке — волчьи земли, покрытые сетью заводов, складов и старых фабрик, которые работали круглые сутки, чтобы заглушить звуки, доносящиеся из-за заборов. И старый квартал на западе — вотчина вампиров, с его

готическими особняками, ночными клубами и подземными переходами, где даже днем царил полумрак.

Алиса шла по нейтральной полосе, которая разделяла владения двух кланов, и чувствовала, как воздух меняется с каждым шагом. Здесь, в центре, он был обычным — пахло бензином, выхлопными газами, жареным кофе из уличных ларьков. Но стоило ей свернуть на восток, как запах становился другим: влажным, земляным, с примесью железа и шерсти. Волки не скрывали свою территорию, они метили ее, как и полагается хищникам. Их запах был везде — на стенах, на асфальте, в воздухе, который они выдыхали.

Она вошла на территорию клана, и через пять минут ее уже ждали. Двое волков в черных куртках стояли у ворот, скрестив руки на груди, и смотрели на нее с неприкрытой враждебностью. Алиса знала их — братья Романовы, лучшие охотники стаи. Они никогда не скрывали, что не одобряют «полукровку», которая шатается между территориями и не приносит клятву.

— Воронова, — сказал старший, Петр, и его голос прозвучал как рык. — Альфа ждет тебя. Мы проводим.

— Я знаю дорогу, — ответила Алиса спокойно. — Я здесь выросла, Петр. Или ты забыл?

Он не ответил, но посторонился. Алиса прошла мимо, чувствуя на себе его взгляд — тяжелый, оценивающий. Такие взгляды она получала каждый раз, когда переступала границу. Для них она была чужой. Всегда чужой, несмотря

на то, что ее отец был их вожаком.

Дом Альфы стоял в центре промышленного района — большое здание из серого камня, которое больше напоминало старую крепость, чем жилой дом. Вокруг него кишела жизнь: волки сновали туда-сюда, кто-то нес оружие, кто-то тренировался на площадке, где звучали рыки и стоны. Алиса поднялась по ступеням и вошла внутрь, не постучав.

Отец сидел в своем кабинете, на массивном кожаном кресле, которое досталось ему от деда. Виктор Воронов был высоким, поджарым мужчиной с лицом, изрезанным глубокими морщинами, и глазами цвета бронзы. Когда Алиса вошла, он поднял голову и посмотрел на нее с выражением, которое она не могла прочесть.

— Ты пришла, — сказал он, и в голосе не было удивления. Только усталость. — Я думал, ты снова пошлешь Дмитрия.

— Я не посылаю Дмитрия, отец, — ответила она, закрывая за собой дверь. — Он сам приходит. Каждый раз, как ты зовешь.

Виктор усмехнулся, но в усмешке не было тепла. Он откинулся на спинку кресла и сложил руки на столе. На его пальцах блестели перстни — каждый с символом стаи, каждый с историей.

— Сегодня вечером приходит Себастьян де Лакруа, — сказал он, и имя вампира прозвучало в его устах как проклятие. — Первый раз за пятьдесят лет он показывает свое лицо на нашей территории. И я хочу, чтобы ты была там.

— Я знаю, — сказала Алиса. — Дмитрий уже сказал мне.

— Дмитрий многое говорит, но не все делает, — отец прищурился. — Ты знаешь, что он сделает сегодня, если вампир посмотрит на тебя слишком долго?

Алиса промолчала. Она знала. Дмитрий был ревнив, как любой волк, который считает свою пару собственностью. И если Себастьян де Лакруа — старый, опасный вампир, глава клана — позволит себе хоть один лишний взгляд в ее сторону, Дмитрий сорвется. А этого нельзя было допустить. Не сегодня. Не в ночь перед Кровавой Луной.

— Я справлюсь, — сказала она. — Я всегда справляюсь.

— Справляешься, — повторил отец и покачал головой. — Ты справляешься так хорошо, что забываешь, кто ты, Алиса. Ты — моя дочь. Ты — невеста будущего Альфы. И ты обязана клану.

Она хотела возразить, но он поднял руку, останавливая ее:

— Я знаю, что ты думаешь. Что я держу тебя в клетке. Что я не даю тебе выбора. Но послушай меня, дочь. Там, за пределами нашей территории, есть силы, которые хотят уничтожить нас всех. И ты — единственная, кто может их остановить. Потому что ты — мост.

— Мост, — горько повторила она. — Мост, который должен соединить волков и вампиров. Мост, который сожгут, если я оступлюсь.

— Ты не оступишься, — сказал он твердо. — Я не позволю. Иди. Дмитрий ждет тебя в зале. Мы будем говорить о

том, что произошло в порту.

Алиса развернулась и пошла к двери, но на пороге остановилась. Она не обернулась, но спросила:

— Отец... Ты знаешь, что происходит в порту? С волком, которого нашли мертвым?

За спиной повисла тишина. Алиса ждала, но отец не ответил. Это было хуже, чем ложь. Это было молчание человека, который знает правду, но не хочет ее говорить.

— Иди, — повторил он. — Мы поговорим позже.

Она вышла из кабинета и закрыла за собой дверь. В коридоре было пусто, но она чувствовала запах отца — тяжелый, горький, смешанный с запахом крови. Это была не его кровь. Это был запах того, кого он не мог защитить.

Алиса прошла в главный зал, где уже собирались волки. Большое помещение с высокими потолками и окнами, выходящими на запад, где солнце уже начинало клониться к горизонту. Дмитрий стоял в центре, окруженный своими людьми, и когда она вошла, его взгляд сразу же нашел ее. Он шагнул к ней, и толпа расступилась, давая ему дорогу.

— Ты здесь, — сказал он, и в голосе прозвучало облегчение. — Я думал, ты не придешь.

— Я всегда прихожу, когда нужно, — ответила она, не глядя ему в глаза. — Где отец? Он сказал, что будет говорить о порте.

— Он придет позже, — сказал Дмитрий, и в его голосе слышалась напряженность. — Сначала мы должны обсудить,

как встретить вампиров. Себастьян де Лакруа — не просто глава клана. Он — тот, кто убил моего деда.

Алиса подняла голову и посмотрела на него. Она знала эту историю — каждый волк знал ее. Пятьдесят лет назад, в ночь Кровавой Луны, Себастьян де Лакруа вошел на волчью территорию и убил старого Альфу, деда Дмитрия. С тех пор кланы жили в хрупком мире, который держался только на страхе и на барьере, созданном ее матерью.

— Это было пятьдесят лет назад, — сказала она тихо. — И твой дед напал первым.

— Это не важно, — Дмитрий сжал ее плечо, и его пальцы впились в кожу с такой силой, что она чуть не вскрикнула. — Он убил моего деда. И сегодня он приходит на нашу землю. Как ты думаешь, что он хочет?

Алиса высвободилась из его хватки и сделала шаг назад. Она чувствовала его гнев — он исходил от него волнами, горячими, как раскаленный металл.

— Я думаю, он хочет того же, чего и мы, — сказала она. — Мира. Или хотя бы перемирия, чтобы найти того, кто убил волка в порту.

— Ты веришь в это? — спросил он, и его глаза сузились. — Ты веришь, что вампир, который убивал наших братьев, теперь хочет мира?

— Я верю в то, что если мы начнем войну, то погибнут тысячи, — сказала она твердо. — И я не позволю этому случиться. Даже если для этого мне придется встать между то-

бой и ним.

Дмитрий хотел ответить, но в зал вошел отец. Виктор Воронов был бледнее, чем обычно, и под глазами залегли тени, которых Алиса не видела раньше. Он поднял руку, и все замолчали.

— Сегодня ночью, — сказал он, и его голос разнесся по залу, — в нашем городе наступает Кровавая Луна. Это время, когда барьер слабеет, а звери просыпаются. Но этой ночью у нас будет гость. Себастьян де Лакруа приходит с предложением. Я не знаю, каким, но я знаю, что мы должны выслушать его. Потому что, если мы откажемся, война начнется завтра.

В зале повисла тишина. Алиса смотрела на отца и видела в его глазах страх. Это был страх, который он не мог скрыть, страх, который она не видела никогда раньше. Ее отец, Альфа стаи, боялся. И это было самое страшное, что она могла увидеть.

Вечер наступил быстро. Солнце ушло за горизонт, и город погрузился в сумерки, которые длились дольше, чем обычно. Алиса стояла у окна в своей комнате в доме отца и смотрела на небо. Первая луна — еще не Кровавая, но уже налитая тяжелым багрянцем, — поднималась над крышами, и ее свет окрашивал все в оттенки меди и крови.

Она чувствовала приближение ночи каждой клеткой своего тела. Внутри нее что-то просыпалось — не волк, не вампир, а что-то третье. То, чему не было названия на языке

кланов. То, что ее мать называла «Печатью Третьей Луны».

Алиса сняла куртку и положила ее на кровать. Потом посмотрела на свое отражение в темном стекле. На лбу снова проступил узор — три листа, серебряных на фоне бледной кожи. Она провела по ним пальцем и почувствовала, как они пульсируют в такт с сердцем.

— Ты не боишься? — раздался голос за спиной.

Алиса обернулась. В дверях стоял Дмитрий. Он выглядел спокойным, но она знала, что это спокойствие обманчиво. В его глазах уже горел желтый огонь, который появлялся перед полнолунием.

— Нет, — сказала она. — Я никогда не боюсь того, что может убить меня. Я боюсь того, что может убить тех, кого я люблю.

Дмитрий подошел к ней и взял за руку. Его пальцы были горячими, почти обжигающими.

— Я не дам тебя в обиду, — сказал он. — Кем бы ни был этот вампир. Что бы он ни предлагал. Ты — моя. И я не позволю никому забрать тебя.

Она посмотрела на него и впервые за долгое время улыбнулась. Не той вежливой улыбкой, которую она носила как маску, а настоящей — печальной и усталой.

— Ты не можешь защитить меня от всего, Дмитрий, — сказала она. — Иногда мне кажется, что ты не можешь защитить даже самого себя.

Он хотел ответить, но в этот момент внизу зазвенел коло-

кол. Сигнал, который означал, что вампиры пришли.

Дмитрий сжал ее руку сильнее, и она почувствовала, как в нем просыпается зверь. Это было странное ощущение — быть рядом с кем-то, кто вот-вот потеряет контроль, и знать, что от твоей хрупкости зависит, сможет ли он удержаться.

— Идем, — сказал он, и его голос уже звучал глухо, как рык. — Встретим их.

Они спустились вниз, где уже собралась вся стая. Волки стояли вдоль стен, их глаза блестели в полумраке, а воздух был густым от запаха адреналина и металла. Алиса шла между ними, и они расступались, давая ей дорогу. Но она знала, что они не делают этого из уважения. Они боятся ее. Так же, как боятся всего, что не могут понять.

Ворота открылись, и в дом вошли вампиры.

Их было пятеро. Все в черном, с бледными лицами и глазами, которые отражали свет как у зверей. Они двигались бесшумно, и их шаги не оставляли следов на каменном полу. Но Алиса видела только одного.

Себастьян де Лакруа.

Он был высоким, стройным, с лицом, которое казалось вырезанным из мрамора. Длинные темные волосы падали на плечи, а глаза — зеленые, почти прозрачные — смотрели прямо на нее, и в них не было ничего, кроме тишины. Той тишины, которая бывает только у очень старых и очень одиноких созданий.

Он подошел к Виктору Воронову и склонил голову в лег-

ком поклоне.

— Альфа Воронов, — сказал он, и его голос был тихим, мелодичным, как музыка, которую играют в подземельях. — Благодарю за приглашение.

Виктор кивнул, не сводя с него глаз.

— Себастьян. Прошло много лет.

— Пятьдесят, — ответил вампир, и в его голосе не было ни горечи, ни сожаления. — И все эти годы я помнил, что мы должны встретиться вновь.

Он перевел взгляд на Алису, и она почувствовала, как воздух вокруг нее стал холоднее. Тысячи мурашек побежали по спине.

— Ты — дочь Жрицы, — сказал он, и это не было вопросом. — Я вижу это в твоих глазах. Ты носишь ее печать.

Алиса хотела ответить, но Дмитрий шагнул вперед, заслоняя ее собой.

— Убери свои взгляды, вампир, — сказал он, и его голос прозвучал как предупреждение. — Она не для тебя.

Себастьян улыбнулся. Это была тонкая, едва заметная улыбка, которая не коснулась его глаз.

— Я здесь не для того, чтобы отнимать, — сказал он. — Я здесь, чтобы предложить. Мы должны поговорить о том, что происходит в порту. О том, кто убил твоего волка, Альфа. Это не был вампир. И я хочу доказать это.

В зале повисла тишина. Виктор медленно кивнул и жестом пригласил вампира в кабинет. Себастьян прошел мимо

Алисы, и на мгновение их взгляды встретились. В его глазах она увидела нечто, что заставило ее сердце забиться быстрее. Не страх, не влечение, а что-то древнее, связывающее их.

Он знал ее мать. Он знал тайну, которую никто не хотел раскрывать.

И в ту секунду Алиса поняла: эта ночь станет точкой невозврата. Кровавая Луна уже всходила над городом, и три луны начинали свой путь по небу. Путь, который изменит все.

Она сжала кулаки и последовала за ними.

— Три луны над городом, — прошептала она, глядя в окно. — И я — между ними.

Над городом висела первая луна, медленно окрашиваясь в багровый цвет, как рана, открывающаяся на теле ночи. Алиса знала: до утра осталось всего несколько часов. И за эти часы кто-то умрет. Она чувствовала это каждой клеткой тела.

Она переступила порог кабинета отца, и дверь за ней закрылась с тяжелым, глухим звуком. Три луны. Три ночи. Одна судьба.

И она была в центре всего этого — девушка без клана, без клятвы, без настоящего дома. Только с печатью на лбу и сердцем, которое разрывалось между тремя мирами.

Но сегодня, в ночь Кровавой Луны, ей предстояло сделать выбор. Первый из многих.

И она знала, что, кем бы она ни стала в итоге, обратной дороги уже не будет.

Глава 2. Гости из тени

Кабинет Виктора Воронова никогда не казался Алисе маленьким. В детстве она терялась в нём, пряталась за тяжёлыми портьерами, играла в прятки с братьями по стае, которых уже не было в живых. Тогда комната дышала простором и мощью — стены из тёмного дуба, массивный стол, за которым вершились судьбы, высокие окна, выходящие на восток, где восходило солнце. Но сейчас, когда в дверях стоял Себастьян де Лакруа, а Дмитрий замер у неё за спиной, готовый в любой момент превратиться в зверя, кабинет сжался до размеров клетки. Воздух в нём стал густым, как старая кровь.

Виктор сел в своё кресло, скрестив руки на столе. Его лицо было непроницаемым, но Алиса видела, как подрагивают его пальцы — едва заметно, так, что только дочь могла бы заметить. Он боялся. Не вампира, нет, — он боялся того, что скажет вампир. Пятьдесят лет молчания не могли закончиться просто.

Себастьян де Лакруа не торопился. Он вошёл в кабинет с той же грацией, с какой входят в собственный дом — без суеты, без подобострастия. Он остановился у стола, на расстоянии двух шагов, и его тень легла на пол длинной, неестественно тонкой полосой. Алиса заметила, что он не смотрит на отца. Он смотрит на неё. Этот взгляд был тягучим,

как мёд, и холодным, как лёд, — и от него невозможно было спрятаться.

— Садитесь, — произнёс Виктор, указывая на стул напротив. Тот стоял точно напротив хозяина кабинета, и это был жест не гостеприимства, а вызова: садись напротив Альфы, покажи своё лицо.

Себастьян улыбнулся — едва заметно, одними уголками губ — и сел. Его движения были плавными, почти ленивыми. Чёрный длинный сюртук, белая рубашка, серебряная цепочка карманных часов, которую он на мгновение коснулся пальцами. Он выглядел так, будто только что вышел из прошлого века, и в этом была его сила. Он не пытался казаться современным. Он не нуждался в этом. Время работало на него, а не против.

— Я благодарен, Альфа, что вы согласились на встречу, — начал Себастьян, и его голос разлился по кабинету, мягкий и глубокий, как звук виолончели. — Учитывая обстоятельства, я понимаю, что это непростое решение. Но я пришёл не как враг.

— Ты всегда приходил не как враг, — ответил Виктор, и его голос был сухим, как песок. — И всегда уходил, оставляя после себя трупы. Что изменилось за пятьдесят лет, Себастьян?

Наступила тишина. Алиса стояла у стены, скрестив руки на груди, и чувствовала, как Дмитрий напряжённо дышит у неё за спиной. Его тепло касалось её спины, но оно не согрело.

вало. Её взгляд был прикован к Себастьяну, и она не могла отвести его.

— Пятьдесят лет — это долгий срок, — сказал вампир, и в его голосе промелькнула странная нотка, похожая на грусть. — Даже для меня. И за эти годы я многое понял. Война между нами не имеет смысла, Альфа. Мы истребляем друг друга уже сотни лет, и каждый раз выигрывает тот, кто просто переживает. Смерть не делает нас сильнее. Она только оставляет пустоту, которую нечем заполнить.

Дмитрий не выдержал. Он шагнул вперёд, и его голос разнёсся по кабинету, резкий и злой:

— Пустоту? Ты убил моего деда! Ты знаешь, что после этого моя семья носила траур двадцать лет? Моя бабушка не пережила зимы — она умерла от горя. И ты говоришь нам о пустоте?

Себастьян посмотрел на Дмитрия. Его зелёные глаза не изменили выражения — в них всё так же стояла холодная тишина — но Алиса заметила, как он сделал долгий выдох, как будто сдерживал что-то внутри.

— Я помню твоего деда, — сказал он спокойно. — Он был храбрым воином. И да, я убил его. Но я не хотел этого, Дмитрий Волков. Это была самозащита. Он пришёл на мою территорию с намерением уничтожить мою семью — женщин, детей, стариков. Он хотел вырезать клан де Лакруа до последнего. Я остановил его. И я не жалею об этом. Но я жалею о том, что после той ночи мы перестали говорить друг

с другом.

Дмитрий сжал кулаки, и его глаза полыхнули жёлтым. Алиса шагнула к нему, коснулась его предплечья, и он замер. Её прикосновение было лёгким, почти невесомым, но он среагировал — его дыхание сбилось, и он сделал шаг назад, подавляя зверя.

— Ты не имеешь права говорить о моём деде, — выдавил он. — Никогда.

— Дмитрий, — сказал Виктор, и его голос прозвучал как приказ. — Остановись. Я не для того позвал гостей, чтобы ты сорвал встречу.

Дмитрий замолчал, но его плечи всё ещё были напряжены. Алиса убрала руку и снова посмотрела на Себастьяна. Тот перевёл взгляд на неё, и она почувствовала, как его внимание впилося в неё, как игла. Он изучал её. Оценивал. В его глазах не было похоти или собственничества — только холодный, аналитический интерес.

— Ты дочь Жрицы, — сказал он, обращаясь уже к ней. — Я вижу печать на твоём лбу. Она проявляется в ночь Кровавой Луны, не так ли?

Алиса вздрогнула. Она не ожидала, что он заговорит с ней прямо, и тем более не ожидала, что он увидит то, что она так тщательно скрывала. Она провела рукой по лбу — узор уже исчез, но Себастьян не мог ошибиться. Он был слишком старым и слишком умным.

— Я не знаю, о чём вы говорите, — сказала она, стараясь,

чтобы голос звучал ровно.

— Не лги мне, Алиса, — произнёс он, и в его голосе промелькнула мягкость, которая удивила её. — Это бесполезно. Я знал твою мать. Я видел её печать — такую же, как у тебя. И я знаю, что ты чувствуешь сегодня ночью. Трепет, дрожь, желание бежать в сторону леса. Это просыпается не волк. Это просыпается Третья Луна.

Виктор подался вперёд. Его лицо побледнело.

— Что ты знаешь о моей жене, Себастьян? — спросил он, и в его голосе послышалась угроза. — Она исчезла двадцать лет назад. Никто не знает, где она.

— Я знаю, — сказал Себастьян, и это слово повисло в воздухе, как выстрел. — Я знаю, где она. И я знаю, что она жива. Но она не может говорить с вами, Альфа. Она заключена в барьере, который сама создала. Цена, которую она заплатила за то, чтобы мы не убили друг друга.

Алиса почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она сделала шаг к столу, оперлась руками о деревянную поверхность, и её пальцы вцепились в край.

— Что вы сказали? — спросила она, и голос её дрогнул. — Моя мать жива?

Себастьян посмотрел на неё, и в его глазах она увидела что-то, что потрясло её до глубины души. Боль. Глубокую, старую боль, которую он носил в себе двести лет.

— Да, — сказал он. — Она жива. Но она — Жрица. Она держит барьер между мирами, между кланами, между вол-

ком и вампиром. И сейчас барьер рушится. Поэтому я здесь. Не для войны, не для мести. Я здесь, чтобы сказать вам: через три лунных цикла барьер падёт. И если мы не найдём способ восстановить его, город станет полем битвы. И погибнут все — и волки, и вампиры, и люди, которые ничего не знают.

Кабинет погрузился в тишину. Алиса слышала, как бьётся её сердце — громко, неровно, как в лихорадке. Она смотрела на Себастьяна и видела в нём не врага, не чудовище, а человека (или то, что было человеком), который нёс на себе груз веков. Она чувствовала, что он говорит правду. И это пугало её больше, чем любая ложь.

— Если барьер падёт, — тихо сказала она, — что произойдёт?

— Откроется портал в Третий Мир, — ответил Себастьян. — Тот, откуда пришли Жрецы Третьей Луны. Они спят уже тысячу лет, но если барьер разрушится, они проснутся. И тогда ни волки, ни вампиры не смогут их остановить. Только тот, кто носит печать, — только тот, кто связан с Третьей Луной, — может либо укрепить барьер, либо разрушить его навсегда. И этот кто-то — ты, Алиса.

Она отшатнулась. Слова ударили её, как хлыст. Она всегда знала, что она не такая, как другие, но никогда не думала, что это означает нечто большее, чем просто странное происхождение. Она — ключ. Она — дверь.

— Ты лжёшь, — раздался голос Дмитрия. Он шагнул впе-

рѣд и встал между Алисой и Себастьяном, заслоняя её своим телом. — Ты пытаешься манипулировать ей. Ты хочешь использовать её, чтобы уничтожить нас.

— Нет, — сказал Себастьян, и в его голосе не было злобы. — Я хочу спасти её. И всех вас. Для этого я предлагаю временное перемирие — совместное расследование того, что произошло в порту. Убийство волка было делом рук не вампира. Я проверил своих людей. Никто из них не выходил на волчью территорию в последнюю неделю. Но на шее убитого я нашёл следы, которых не должно быть.

Он достал из внутреннего кармана сюртука небольшой бумажный конверт и положил на стол. Виктор медленно открыл его и извлѣк фотографию — крупный план шеи волка с перерезанным горлом. На коже, рядом с раной, была странная метка: перевѣрнутый полумесяц в круге, выжженный на плоти, как клеймо.

— Это не наша метка, — сказал Себастьян. — И не ваша. Это печать Жрецов Третьей Луны. Я видел её только один раз — в древних книгах, которые хранятся в моей библиотеке. Эти символы носили те, кто служил Третьей Луне. И если она появилась сейчас, значит, они уже здесь. Или кто-то, кто действует от их имени.

Алиса подошла к столу и взяла фотографию в руки. Она смотрела на метку, и в её груди разрасталось холодное чувство. Она узнала этот символ. Она видела его во сне — в тех снах, где три луны висели над ней, а она стояла на горе, и

внизу простиралось море тел. Это был знак её кошмаров.

— Кто они? — спросила она, и голос её прозвучал почти шёпотом. — Эти Жрецы?

— Я не знаю, — честно ответил Себастьян. — Они древнее нас. Они появились задолго до того, как волки и вампиры разделили этот город. Некоторые говорят, что они были первыми — теми, кто создал лунные циклы, чтобы управлять нашими жизнями. А потом они исчезли. Или заснули. Но их печать не лжёт. Кто-то пробудил их или использует их магию.

Виктор откинулся на спинку кресла и потёр переносицу. Он выглядел уставшим, постаревшим на десяток лет за эти несколько минут.

— Допустим, я поверю тебе, — сказал он. — Допустим, мы согласимся на временное перемирие. Что ты предлагаешь?

— Я предлагаю провести совместное расследование, — сказал Себастьян. — Мои люди и твои вместе. Мы найдём того, кто убил твоего волка, и узнаем, как он связан с Третьей Луной. Если это окажется предатель внутри одного из кланов, мы накажем его. Если это внешняя угроза, мы встретим её вместе. Но мы должны действовать быстро — до того, как наступит Полная Луна. Потому что тогда барьер ослабнет настолько, что Жрецы смогут проникнуть в наш мир.

Дмитрий снова шагнул вперёд.

— Я не соглашусь работать с вампиром, — сказал он, гля-

дя на отца. — Это предательство. Он убил нашего деда. Как мы можем ему доверять?

— Мы не доверяем ему, — ответил Виктор, поднимая взгляд на сына. — Мы используем его. Пока нам это выгодно. Но как только мы узнаем правду, мы решим, что делать дальше. Алиса, — он повернулся к ней, — ты будешь связующим звеном. Ты — Хранительница. Ты можешь быть на обеих территориях без клятвы. Ты будешь присутствовать на всех встречах.

Алиса кивнула, хотя внутри всё сжималось от страха. Она не хотела быть мостом. Она не хотела стоять между двумя мирами, которые готовы разорвать друг друга. Но она понимала, что у неё нет выбора. Если её мать действительно жива и удерживает барьер, она должна сделать всё, чтобы спасти её.

— Я согласна, — сказала она, и голос её прозвучал твёрже, чем она ожидала.

Себастьян посмотрел на неё, и в его взгляде промелькнула искра уважения. Он поднялся с кресла и протянул руку Виктору.

— Мы заключим временное перемирие на время расследования, — сказал он. — Мои люди не будут вторгаться на вашу территорию, если на то не будет вашего разрешения. Но я хочу, чтобы Алиса была моим контактом. Я буду связываться только с ней.

Дмитрий рыкнул, но Виктор поднял руку, останавливая

его.

— Хорошо, — сказал Альфа. — Пусть будет так. Но помни, Себастьян: если ты предашь нас, я убью тебя лично. Клянусь Луной.

— Я знаю, — ответил вампир с лёгкой улыбкой. — Я всегда это знал.

Они пожали друг другу руки, и Алиса почувствовала, как в кабинете разлилось что-то новое — не воздух, не свет, а сама возможность перемен. Барьер был не только магическим — он был в их головах, в их сердцах. И теперь, впервые за пятьдесят лет, лёд начал таять.

Себастьян направился к выходу, но на пороге обернулся. Он посмотрел на Алису, и в его глазах она увидела тень, которая не была её воображением. Это было что-то личное, интимное, предназначенное только для неё.

— Алиса, — сказал он тихо, так, чтобы только она могла слышать, — я знаю, что ты думаешь, что я враг. Но я пришёл не воевать с тобой. Я пришёл защищать тебя. И твою мать. Она спасла меня двести лет назад, и я хочу отдать долг. Если захочешь узнать правду, приходи в мою библиотеку. Я покажу тебе книги, которые хранят то, что никто не знает.

Он вышел, и его шаги затихли в коридоре. Алиса осталась стоять, прижимая фотографию к груди, и чувствовала, как внутри неё разгорается пламя. Не любовь, не ненависть — а что-то третье, такое же древнее, как Третья Луна.

Дмитрий подошёл к ней и взял её за плечи. Его пальцы

были горячими, почти обжигающими, и он смотрел на неё с болью, которую не мог скрыть.

— Ты не пойдёшь к нему, — сказал он. — Ты слышишь? Это ловушка.

— Я не знаю, Дмитрий, — ответила она, и в голосе её не было прежней уверенности. — Я не знаю, что, правда, а что ложь. Но я должна узнать. Ради матери. Ради всех нас.

Он хотел сказать что-то ещё, но она высвободилась из его рук и вышла из кабинета. И оставляя его одного с отцом, который смотрел ей вслед с выражением, которое невозможно было прочесть. В этом взгляде смешались страх, надежда и чувство вины, которое он носил двадцать лет.

Алиса вышла на улицу. Ночь уже полностью опустилась на город, и над крышами висела Кровавая Луна — большая, тяжёлая, с багряными прожилками, которые пульсировали, как вены. Её свет падал на асфальт, окрашивая его в цвет старой меди, и тени становились длинными и угрожающими.

Она шла по нейтральной полосе, не зная, куда направляется. Мысли путались, но в груди росло одно желание — увидеть мать. Убедиться, что она жива. Обнять её. Спросить, почему она оставила их, почему не вернулась. Двадцать лет молчания. Двадцать лет боли.

Она остановилась у моста, который вёл в старый квартал, где обитали вампиры. Мост был закрыт, но Алиса знала, что есть проход, который ведёт в подземелье под городом. Там, как сказал Себастьян, держат её мать. Она сделала шаг к мо-

сту, но замерла.

Голос матери, который звучал у неё в голове все эти годы, прошептал: «Не сейчас. Не в эту ночь. Кровавая Луна — время охоты. Ты должна быть сильной».

Алиса закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Холодный воздух обжёг лёгкие, но внутри неё что-то успокоилось. Она развернулась и пошла обратно в дом отца, но перед тем, как войти, она посмотрела на луну.

— Три луны, — прошептала она. — Вы всегда были со мной. И сегодня я чувствую вас. Но я не знаю, кому из вас я могу доверять.

Она вошла в дом, где её ждал Дмитрий, но она не могла смотреть на него. Она знала, что он чувствует её колебания, и это делало всё только сложнее. Но она не могла лгать ему. Она не могла сказать, что он — её единственный выбор, когда внутри неё росло нечто большее, чем просто любовь или долг.

Это была судьба. И она была написана не на волчьей шкуре и не в вампирском книге. Она была выжжена на её собственной душе — печатью Третьей Луны.

Алиса поднялась в свою комнату и села на кровать. Она посмотрела в окно, где над городом висела Кровавая Луна, и в её свете она увидела, как зажглись огни в вампирском квартале. Себастьян ждал её. Он знал, что она придёт. И она знала, что должна пойти.

Но не сегодня. Сегодня — ночь Кровавой Луны, когда

барьер слабее всего, когда волки теряют контроль, а вампиры становятся уязвимыми. Она должна была дожидаться утра, чтобы принять решение.

Она легла, но не могла уснуть. Её тело дрожало от напряжения, а в голове звучали слова Себастьяна: «Я пришёл защищать тебя». Почему он сказал это? Что связывало его с её матерью? И почему он смотрел на неё так, как будто знал о ней больше, чем она сама?

Она закрыла глаза и провалилась в сон, который не был сном. Это было видение.

Она стояла на вершине горы, и три луны висели над ней: красная, полная и голубая. Их свет смешивался, образуя серебряный круг, который вращался вокруг неё. Внизу, у подножия горы, стояли две армии — волки и вампиры. Они смотрели на неё, и в их взглядах была ненависть. А между ними стояла фигура в белом — её мать.

— Алиса, — сказала мать, и голос её разнёсся по всей долине. — Ты должна выбрать. Кровавая, Полная или Голубая. Ты не можешь служить всем трём.

— Но я не хочу служить никому из вас, — ответила она во сне. — Я хочу быть свободной.

— Свобода — это иллюзия, — ответила мать. — Ты рождена для этого. Ты — Третья Луна. Ты — мост. И ты должна пройти по нему, даже если он сожжёт тебя.

Алиса проснулась с криком. Лоб её был мокрым от пота, а печать на лбу горела серебряным светом, который освещал

всю комнату. Она вскочила с кровати и подбежала к зеркалу. Узор из трёх листьев сиял на её коже, пульсируя в такт сердцу, и в этом свете она увидела своё отражение не как человека, не как волка, не как вампира, а как нечто совершенно иное.

Она была Жрицей. Или, по крайней мере, той, кому суждено стать ею.

Алиса опустилась на пол и прижала руки к лицу. Она плакала впервые за много лет — горько, беззвучно, выплакивая всю боль, которую носила внутри. Она плакала о матери, об отце, о Дмитриии, о Себастьяне, о той судьбе, которую она никогда не просила.

А над городом, над ней, над всеми тремя кланами висела Кровавая Луна, и её свет был холодным и равнодушным, как смерть.

Алиса знала: у неё есть всего две ночи до Полной Луны, чтобы решить, что она будет делать. И если она ошибётся, последствия будут катастрофическими. Она не могла позволить себе слабость. Она должна была стать сильной — ради матери, ради отца, ради всех, кого любила.

Но больше всего — ради самой себя.

Она поднялась с пола, вытерла слёзы и подошла к окну. Внизу, у ворот, стоял Дмитрий. Он смотрел на её окно, и в его глазах горел жёлтый огонь. Он не спал, как и она. Он ждал её. Он всегда ждал её.

Но сегодня она не могла пойти к нему. Она должна была

побыть одна.

Она отвернулась от окна и села на кровать, обхватив колени руками. Кровавая Луна заливала комнату красным светом, и в этом свете она чувствовала себя прозрачной, хрупкой, как стекло, которое вот-вот разобьётся.

Но она знала: она не разобьётся. Она выдержит. Потому что она — дочь Жрицы. Потому что она — Третья Луна.

И она должна была выжить, чтобы изменить всё.

На следующее утро Алиса проснулась от стука в дверь. Это был не Дмитрий — его шаги она узнала бы из тысячи. Стук был лёгким, почти вежливым, и она поняла, кто это.

— Войдите, — сказала она, поправляя волосы.

В дверях стоял Себастьян. Он был бледнее, чем вчера, и под его глазами залегли тени, которых она не замечала раньше. Он смотрел на неё с каким-то новым выражением — не аналитическим, а почти человеческим.

— Ты не спала, — сказал он. — Я видел твой свет. Твоя печать сияла всю ночь.

— Откуда ты знаешь? — спросила она.

— Я чувствую её, — ответил он. — Как чувствую твою мать. Мы связаны, Алиса. Не так, как ты думаешь. Я был с ней, когда она создавала барьер. Я видел, как она запечатывала себя. И я видел, как она говорила о тебе.

Алиса встала и подошла к нему. Она смотрела прямо в его зелёные глаза и видела в них отражение той же печали, которую носила в себе.

— Что тебе нужно, Себастьян?

Он протянул ей руку, и в его ладони лежал маленький серебряный ключ.

— Это ключ от библиотеки, — сказал он. — Там ты найдёшь всё, что касается Третьей Луны. И я обещаю, что не трону тебя. Приходи сегодня ночью. После того, как луна сойдёт. Я буду ждать.

Она взяла ключ. Металл был холодным, но в его холоде она почувствовала тепло — странное, противоестественное тепло, которое шло от вампира.

— Хорошо, — сказала она. — Я приду.

Себастьян кивнул и вышел, оставив её одну с ключом в руке. Она сжала его в кулаке и почувствовала, как внутри неё разрастается решимость. Она не знала, что её ждёт, но знала: она должна узнать правду.

И эта правда могла уничтожить всё, что она знала о себе. Или освободить её.

В окне снова показалась Кровавая Луна, но теперь она не казалась ей такой угрожающей. Она казалась ей частью её самой.

— Я иду, — прошептала она, глядя на неё. — Я иду за правдой.

Глава 3. Три луны над городом

День после Кровавой Луны выдался серым и тягучим, как старая патока. Небо над городом затянуло плотными облаками, которые не пропускали ни луча солнца, и даже в полдень на улицах царил сумеречный свет, странный и неестественный. Алиса стояла у окна в своей квартире на границе территорий и смотрела, как люди в центре города спешат по своим делам, не подозревая, что минувшая ночь была отмечена печатью древней магии. Они пили кофе, разговаривали по телефонам, спорили о ценах на продукты и планировали выходные. Их мир был простым и понятным. Её мир — нет.

Она сжимала в ладони серебряный ключ, который дал ей Себастьян. Металл был холодным, но на ощупь — живым, словно он пульсировал в такт с её сердцем. Алиса повертела его в пальцах, разглядывая затейливую вязь на головке: три переплетённых полумесяца, образующих круг. Тот же символ, что был на шее убитого волка. Тот же символ, что она видела в своих снах.

Она не спала этой ночью. После визита Себастьяна она лежала без сна, глядя в потолок, и пыталась уложить в голове всё, что узнала. Мать жива. Мать — Жрица, которая держит барьер ценой своей жизни. Барьер рушится. И она, Алиса, — ключ к его восстановлению или разрушению. Нагрузка была непомерной, и она чувствовала, как под её тяжестью

прогибаются плечи.

Телефон завибрировал — сообщение от Дмитрия: «Ты не пришла на завтрак. Отец хочет видеть тебя. И я тоже. Где ты?» Она не ответила. Она не могла говорить с ним сейчас, когда внутри неё кипела буря. Он бы почувствовал её колебания, её страх, и это только усилило бы его ревность и подозрения. Она должна была сначала разобраться сама.

Алиса надела чёрную куртку, засунула ключ в карман и вышла из квартиры. Она знала, куда идти. В старый квартал, к вампирам. К Себастьяну. Его библиотека ждала её, и в ней, как он обещал, хранились ответы.

Переход через нейтральную полосу занял около часа. Алиса шла быстрым шагом, стараясь не привлекать внимания, но она знала, что за ней следят. Волчьи дозоры, рассредоточенные по периметру, уже доложили о её передвижениях. Она чувствовала их взгляды на своей спине — холодные, оценивающие, полные подозрения. «Полукровка идёт к вампирам», — шептали они, и этот шёпот был громче крика.

На границе вампирского квартала её встретил высокий бледный мужчина в чёрном костюме. Он стоял у ворот, скрестив руки на груди, и когда она приблизилась, он слегка склонил голову.

— Госпожа Воронова, — сказал он, и голос его был безжизненным, как у куклы. — Господин де Лакруа ожидает вас. Прошу следовать за мной.

Она пошла за ним, и впервые за много лет переступила

границу вампирской территории не как дипломат, а как ищущая. Воздух здесь был другим — прохладным, сухим, с лёгким привкусом старого дерева и ладана. Улицы старого квартала были узкими, мощёными булыжником, и дома стояли так близко друг к другу, что их карнизы почти смыкались над головой, создавая тенистый коридор. Даже днём здесь царил полумрак, и только кое-где горели газовые фонари, которые зажигались с наступлением сумерек.

Особняк де Лакруа был самым старым зданием в квартале. Его фасад украшали резные каменные цветы и чудовищные горгульи, чьи тени падали на мостовую, создавая причудливые узоры. Когда Алиса поднялась по широким ступеням и вошла внутрь, её встретил запах вековой пыли и воска. В холле горели свечи в высоких канделябрах, и их свет танцевал на стенах, покрытых тёмными гобеленами.

Себастьян ждал её в библиотеке. Это было огромное помещение, уставленное стеллажами от пола до потолка, и книги в них были такими старыми, что их корешки потемнели и потрескались от времени. В центре комнаты стоял массивный стол из чёрного дуба, заваленный свитками и фолиантами, а на стене висела карта города, испещрённая странными символами и линиями, которые пересекались в центре — там, где находилась нейтральная полоса.

Себастьян сидел за столом и читал, но когда она вошла, он поднял голову и улыбнулся. Его улыбка была мягкой, почти тёплой, и в ней не было той холодной отстранённости,

которую она видела на встрече.

— Ты пришла, — сказал он, закрывая книгу. — Я знал, что ты придёшь. Садись, Алиса.

Она села напротив него, положив руки на стол. Её пальцы дрожали, и она не пыталась это скрыть.

— Ты обещал мне ответы, — сказала она. — Я хочу знать всё. О моей матери. О барьере. О Третьей Луне. И о том, что я должна сделать.

Себастьян кивнул и поднялся. Он прошёл к одному из стеллажей, провёл рукой по корешкам книг, и его пальцы остановились на тонком, почти незаметном томике в тёмной коже. Он снял его с полки и вернулся к столу.

— Этот дневник, — сказал он, кладя книгу перед ней, — принадлежал твоей матери. Она оставила его мне за несколько дней до того, как создала барьер. Здесь она описала всё — ритуал, жертву, предназначение. Я храню его двести лет, Алиса. Ждал того дня, когда придет тот, кто сможет его прочитать.

Алиса взяла дневник в руки. Кожа была мягкой, почти истлевшей, и на обложке серебряными чернилами был выведен тот же символ, что и на ключе — три полумесяца в круге. Она открыла первую страницу, и её сердце пропустило удар. Почерк был ровным, изящным, но с лёгкой дрожью, словно писавшая торопилась или боялась.

«Я, Елена Воронова, Жрица Третьей Луны, начинаю этот дневник в ночь, когда поняла, что барьер, который мы созда-

ли, не вечен. Он держится на крови трёх: волка, вампира и человека между ними. Я — человек между ними. Я — мост. И я знаю, что однажды мой ребёнок займёт моё место.»

Алиса перевернула страницу. Её руки тряслись, но она не могла остановиться. Дневник был исписан мелким, аккуратным почерком, и каждая строка открывала ей тайны, которые она никогда не знала.

— Здесь, — сказала она, поднимая взгляд на Себастьяна, — она пишет о ритуале Трёх Лун. О том, как барьер держится на трёх силах. Волк — это стая, сила земли. Вампир — это ночь, сила тени. А человек между ними — это та, кто способна соединить обе силы. Моя мать была человеком?

— Нет, — ответил Себастьян тихо. — Она была чем-то большим. Она родилась от волка и вампира, как и ты. Но в ней была ещё одна сущность — сущность Жрицы, которую она унаследовала от своих предков. Жрицы Третьей Луны не принадлежат ни одному клану. Они — хранительницы равновесия. Они могут использовать магию и волков, и вампиров, но они никогда не становятся частью ни одного из них. Поэтому они могут быть мостом.

Алиса перелистала дневник до середины. Там была вклеена схема — сложный рисунок, изображавший три луны, расположенные по углам треугольника, и в центре — человеческую фигуру с распростёртыми руками. Под рисунком было написано:

«Когда три луны сойдутся в одну ночь, мост должен встать

в центр. Он должен принять кровь волка и вампира, чтобы соединить их силы. И тогда барьер станет нерушимым. Но если мост откажется, барьер падёт, и Третья Луна откроет врата в мир Жрецов. Цена — жизнь моста. Или свобода всех остальных».

Алиса отодвинула дневник и посмотрела на Себастьяна. Её лицо было бледным, но в глазах горел огонь.

— Она говорит о «человеке между ними». Это я. Я должна стать мостом. Я должна принять кровь волка и вампира. Что это значит?

Себастьян глубоко вздохнул и откинулся на спинку стула. Его лицо было печальным.

— Это значит, что ты должна символически связать себя с двумя кланами, Алиса. Ритуал требует, чтобы ты стала невестой волка и невестой вампира. Не в физическом смысле, а в магическом. Ты должна заключить союз с обоими — и тогда их силы сольются в тебе, и ты сможешь укрепить барьер.

— Невестой? — переспросила она, и в голосе её послышался гнев. — Я должна выйти замуж за одного из них?

— Не обязательно замуж, — сказал он. — Достаточно ритуала Связывания. Ты можешь выбрать одного из них, чтобы символически стать его парой, а другого — чтобы он стал твоим защитником. Но это должно быть добровольно. Ты должна сама выбрать, кто будет твоим волком и кто твоим вампиром.

Алиса встала и отошла к окну. За стеклом начинался ве-

чер, и облака на западе разошлись, открывая багровое небо. Она смотрела на старый квартал, на его тенистые улочки, и думала о Дмитриии. О его горячих объятиях, о его ревности, о его любви. И о Себастьяне — холодном, загадочном, который смотрел на неё так, будто знал её дольше, чем она сама себя.

— Ты предлагаешь мне стать пешкой, — сказала она, не оборачиваясь. — Ты хочешь, чтобы я выбрала между тобой и Дмитрием. Чтобы я связала себя с вами обоими. А что будет со мной? Что будет с моей душой?

Себастьян подошёл к ней и встал рядом. Его голос был тихим, почти шёпотом:

— Твоя душа останется твоей, Алиса. Но ритуал изменит тебя. Ты станешь больше, чем человек, чем волк, чем вампир. Ты станешь Хранительницей. Ты сможешь управлять барьером, видеть будущее, слышать голоса мёртвых. Это не проклятие — это дар. Но цена за него — свобода выбора. Ты больше не сможешь быть просто Алисой. Ты всегда будешь Жрицей.

Она повернулась к нему. Их взгляды встретились, и она увидела в его глазах что-то, что не могла прочесть. Не любовь, не желание — а что-то более древнее. Узнавание.

— Почему ты помогаешь мне? — спросила она. — Что ты получишь от этого?

— Я уже получил, — ответил он. — Твоя мать спасла меня двести лет назад. Я был вампиром, который нарушил за-

кон — я спас человека, который должен был умереть. Меня проклинали. Лунные Жрицы, которые правили до твоей матери, осудили меня на бессмертие, но без души. Я живу вечно, но каждый раз, когда наступает ночь трёх лун, я вижу лица всех, кого убил. Это моё проклятие. И единственный способ снять его — помочь Жрице завершить ритуал и восстановить равновесие. Тогда моя душа вернётся ко мне. Я смогу умереть.

Алиса смотрела на него, и впервые увидела не монстра, не врага, а человека — или того, кто им был. Его боль была осязаема, она исходила от него, как холод от старого камня.

— Ты хочешь умереть? — спросила она.

— Я хочу быть свободным, — ответил он. — Так же, как и ты. Мы оба — пленники своей природы. Ты — дочь Жрицы, я — проклятый вампир. Мы ищем одно и то же. Поэтому я прошу тебя только об одном: прими этот дар. Стань Хранительницей. И тогда я смогу уйти.

Она отвернулась, снова глядя в окно. Внутри неё боролись два желания: бежать от всего этого, оставить кланы, барьер, ритуал — и защитить тех, кого она любила. Мать, которая умирала в подземелье. Отца, который носил вину двадцать лет. Дмитрия, который готов был уничтожить всё ради неё.

— Мне нужно время, — сказала она. — Я должна прочитать весь дневник. Понять всё. Решить.

— У тебя есть две недели до Полной Луны, — сказал Себастьян. — После этого будет поздно. Я оставлю тебя здесь.

Библиотека в твоём распоряжении. Если что-то понадобится — позови. Мои слуги приведут тебя.

Он вышел, оставляя её одну в огромном зале, залитом светом свечей. Алиса села за стол и снова открыла дневник. Она читала до глубокой ночи, пока глаза не начали слипаться, но не могла остановиться. Каждая страница была откровением.

Мать писала о своей жизни, о том, как она встретила Виктора Воронова, как полюбила его и родила Алису. Она писала о том, что боялась, что её дочь унаследует её судьбу, но знала, что это неизбежно. «Кровь Жрицы не лжёт, — писала она. — Она зовёт своего носителя, и он должен ответить, или мир сгорит».

Алиса нашла описание ритуала Трёх Лун. Это было сложное магическое действие, которое требовало присутствия всех трёх сил: волка (силы земли), вампира (силы тени) и Жрицы (силы духа). В ночь, когда все три луны сходились на небе, Жрица должна была встать в центр круга и произвести заклинание, которое связывало три силы воедино. Но для этого требовалась жертва — не кровь, а выбор. Жрица должна была добровольно отказаться от своей человеческой природы и стать сосудом для всех трёх лун.

«Я была готова сделать это, — писала мать. — Но в последний момент я испугалась. Я не хотела оставлять тебя, Алиса. Я не хотела, чтобы ты росла без меня. Поэтому я выбрала другой путь — я запечатала себя в барьере, чтобы поддерживать его своей жизнью. Это была половинчатое реше-

ние. Барьер держится, но он слабеет. И однажды ты должна будешь завершить то, что я не смогла».

Алиса закрыла дневник и прижала его к груди. Её сердце билось так быстро, что казалось, оно выскочит из груди. Она знала, что должна сделать. Она должна была стать Жрицей. Она должна была провести ритуал и восстановить барьер. Но цена — её жизнь. Её свобода. Её человечность.

Она поднялась и прошла по библиотеке. Её взгляд скользил по полкам, по древним книгам, по свиткам, которые хранили знания, накопленные веками. Она остановилась у карты города и увидела то, чего не замечала раньше. Город был разделён не просто на три части — он был выстроен по принципу круга. Волчья территория, вампирский квартал и нейтральная полоса образовывали идеальный треугольник, и в центре этого треугольника находилась точка, отмеченная тёмной каплей.

— Это место, — прошептала она. — Где держат мою мать.

Она коснулась пальцем карты, и почувствовала странный импульс — холодный, электрический. Её печать на лбу загорелась, и в этом свете она увидела, как линии на карте начинают двигаться, образуя спираль. Спираль, которая заканчивалась в центре — там, где была её мать.

Алиса отшатнулась и потерла лоб. Её голова кружилась, и она прислонилась к стене, пытаясь перевести дыхание. В этот момент дверь в библиотеку открылась, и вошёл Себастьян.

Он подошёл к ней и взял её за руку. Его прикосновение было прохладным, но не неприятным.

— Ты видишь, — сказал он. — Твоя сила просыпается. Это нормально. Ты должна учиться контролировать её.

— Я видела карту, — сказала она. — Она живая. Она движется.

— Карта — это не просто карта, — ответил он. — Это отражение барьера. Ты чувствуешь его, Алиса. Ты чувствуешь, где слабое место. Это твой дар.

Она посмотрела на него, и в её глазах была решимость.

— Я хочу увидеть её, — сказала она. — Мою мать. Ты знаешь, где она. Отведи меня к ней.

Себастьян покачал головой.

— Это слишком опасно. Барьер не пропускает никого, кроме Жрицы. Если ты попытаешься пройти, он может уничтожить тебя. Или ещё хуже — она может не выдержать твоего присутствия. Она держится только за счёт магии. Если её потревожить до времени, она умрёт.

— Но она умирает прямо сейчас! — воскликнула Алиса. — Ты сам сказал, что барьер слабеет. Если я не сделаю что-то, она умрёт в любом случае. Я должна попытаться.

Себастьян сжал её руку сильнее.

— Не сейчас, — сказал он. — Ты должна подготовиться. Прочитай дневник до конца. Я принесу тебе другие книги — о ритуале, о символах, о том, что ты должна будешь сделать. Когда ты будешь готова, я отведу тебя к ней. Но не раньше.

Алиса хотела возразить, но поняла, что он прав. Она была не готова. Она не знала всех деталей ритуала, не знала, как использовать свою силу, не знала, что её ждёт. Она должна была учиться. И у неё было всего две недели.

— Хорошо, — сказала она. — Но я хочу взять дневник с собой. Я буду читать его дома.

Себастьян кивнул, и она убрала дневник в сумку. Они вышли из библиотеки, и он проводил её до ворот.

— Будь осторожна, — сказал он на прощание. — Твой отец и Дмитрий не должны знать, что ты была здесь. Если они узнают, что я дал тебе дневник, они могут попытаться уничтожить его. И нас.

Она кивнула и пошла по улицам старого квартала, держа сумку с дневником под мышкой. Ночь уже опустилась на город, и над крышами висела вторая луна — Полная, уже почти круглая, наливающаяся серебряным светом. Она смотрела на неё и чувствовала, как её сила отзывается на этот свет, пульсирует в такт с каждой звездой на небе.

Она перешла нейтральную полосу и уже собиралась войти в свой дом, как из тени выступила фигура. Дмитрий. Он стоял, скрестив руки на груди, и его глаза горели жёлтым.

— Ты была у вампиров, — сказал он, и это был не вопрос. Это было обвинение.

— Да, — ответила она, не пытаясь лгать. — Я искала ответы.

— Какие ответы? — спросил он, делая шаг к ней. — Какие

ответы ты могла найти у него? Он враг, Алиса. Он убил моего деда. И ты доверяешь ему больше, чем мне?

— Я не доверяю никому, — сказала она, и голос её был твёрдым. — Я ищу правду. Правду о моей матери. О барьере. О том, почему мы все живём в этом аду.

Дмитрий схватил её за плечо, и его пальцы впились в кожу.

— Твоя мать мертва, Алиса. Она исчезла двадцать лет назад. Ты не найдёшь её. И ты не найдёшь покоя, если будешь продолжать искать её в прошлом. Посмотри на меня. Я здесь. Я живой. Я люблю тебя. Почему этого недостаточно?

Алиса высвободилась из его хватки. Она посмотрела на него, и в её глазах была боль, которую она не могла скрыть.

— Потому что я не могу любить тебя, когда я не знаю, кто я, — сказала она. — Я не могу быть твоей невестой, Дмитрий, когда я даже не знаю, что значит быть дочерью Жрицы. Я должна узнать правду. И если ты любишь меня, ты должен дать мне время.

Он отступил, и в его взгляде промелькнуло что-то, похожее на страх.

— Ты уходишь, — сказал он. — Я чувствую это. Ты уходишь от меня.

— Я не уйду, — ответила она. — Я просто ищу себя. И когда я найду, я вернусь. Я обещаю.

Она пошла к дому, но он окликнул её:

— Алиса! Если ты пойдёшь к нему снова, я не отвечаю за

свои действия. Я не позволю вампиру забрать тебя.

Она остановилась, но не обернулась.

— Ты не можешь запретить мне то, что я должна сделать,
— сказала она. — И если ты попытаешься, ты потеряешь
меня навсегда.

Она вошла в дом, и дверь за ней закрылась. Дмитрий остался стоять в темноте, глядя на окно её комнаты, в котором уже зажёгся свет. Он сжал, кулаки и в его груди, закипела ярость — не на неё, а на себя. На свою слабость. На свою любовь, которая делала его уязвимым.

Алиса сидела на кровати, держа в руках дневник матери, и не могла оторвать взгляда от страниц. Она знала, что время уходит. Кровавая Луна уже прошла, но за ней шли Полная и Голубая. И в ночь, когда они сойдутся, она должна была сделать выбор.

Она перелистнула последнюю страницу и прочитала последние строки, написанные материнской рукой:

«Дочь моя, если ты читаешь это, значит, я уже не с тобой. Но помни: ты — не жертва. Ты — дверь. И ты можешь открыть её, чтобы впустить свет. Или закрыть, чтобы спасти себя. Но какой бы выбор ты ни сделала, я буду любить тебя всегда. Три луны — это не клетка, это окно. И я верю, что ты увидишь в нём небо, которое заслуживаешь».

Алиса закрыла дневник и прижала его к груди. Слезы текли по её щекам, но она не вытирала их. Впервые за много лет она позволила себе плакать — не от слабости, а от осво-

бождения. Она знала, что должна сделать. Она должна была стать мостом. Даже если это сожжёт её.

Она подошла к окну и посмотрела на луну. Она уже была почти полной, и её свет падал на город, серебряный и холодный. Но Алиса не чувствовала холода. Она чувствовала тепло — тепло истины, которая, наконец, начала просыпаться в её душе.

— Три луны, — прошептала она. — Вы всегда были частью меня. И теперь я готова стать вашей.

В эту ночь она не спала. Она читала дневник до самого утра, впитывая каждое слово, каждую схему, каждую молитву Жрицы. И когда рассвет залил комнату бледным светом, она знала, что готова.

Она оделась, надела куртку и вышла из дома, оставляя позади всё, что знала. Она шла в библиотеку Себастьяна, чтобы начать обучение. Она шла к своей судьбе.

И над её головой вставала Полная Луна, которая сулила ей либо величайшее освобождение, либо величайшее падение.

Но Алиса не боялась.

Она была дочерью Жрицы. Она была мостом.

И она была готова пройти по нему.

Глава 4. Первое убийство

Алиса проснулась от того, что кто-то тряс её за плечо. Она не сразу поняла, где находится — тяжёлые портьеры, запах старой бумаги и воска, тусклый свет свечей, которые догорали в канделябрах. Библиотека Себастьяна. Она заснула прямо за столом, уткнувшись лицом в раскрытый фолиант, и теперь её шея затекла, а глаза слипались от усталости.

— Алиса, — голос Себастьяна был тихим, но настойчивым. — Ты должна проснуться. Случилось нечто важное.

Она подняла голову и посмотрела на него. Он стоял рядом, и в его зеленых глазах она увидела тревогу, которую он пытался скрыть. На нём был чёрный костюм, идеально выглаженный, но волосы были слегка растрёпаны, будто он торопился.

— Что случилось? — спросила она, протирая глаза.

— В порту нашли ещё одного убитого, — сказал он. — Волка. Его горло перерезано, и на шее та же метка — перевёрнутый полумесяц в круге. Но на этот раз есть кое-что ещё. Там оставлен символ, который не видели сотни лет. Я должен показать тебе.

Алиса вскочила, и её сердце забилось быстрее. Ещё одно убийство. Ещё одна жертва. Кто-то методично уничтожал волков, оставляя метки Третьей Луны, и это могло означать только одно: кто-то хотел разжечь войну.

— Дмитрий знает? — спросила она, накидывая куртку.

— Уже знает, — ответил Себастьян. — Твой отец вызвал меня на место происхождения. Мы должны встретиться в порту через час. Это будет первая совместная встреча волков и вампиров за пятьдесят лет.

Алиса кивнула и последовала за ним. Они вышли из особняка, и утренний воздух ударил в лицо холодом и сыростью. Над городом висело серое небо, и тучи были такими низкими, что казалось, они вот-вот коснутся крыш. Алиса села в чёрный автомобиль Себастьяна, который ждал у ворот, и они поехали в порт.

Дорога заняла около двадцати минут. Алиса смотрела в окно на знакомые улицы, которые проплывали мимо, и не могла избавиться от ощущения, что город изменился. Он был тем же — те же дома, те же фонари, те же люди, спешащие по своим делам, — но в воздухе витало что-то тревожное, будто сама земля готовилась к чему-то. Она знала, что это не её воображение. Это была её сила, которая просыпалась и чувствовала дисбаланс в барьере.

Порт был самым старым районом города, и его территория давно стала нейтральной — слишком опасной для волков и слишком открытой для вампиров. Здесь пахло солью, ржавым металлом и мазутом. Причалы были пусты, и только несколько старых рыбацких лодок покачивались на волнах. Но сегодня здесь было многолюдно.

Когда Алиса вышла из машины, она увидела толпу вол-

ков, собравшихся у одного из складов. Они стояли плотной группой, их глаза горели жёлтым, а лица были искажены гневом и скорбью. В центре толпы возвышался Виктор Воронов, и рядом с ним — Дмитрий. Дмитрий выглядел так, будто не спал несколько ночей, и его челюсть была сжата так сильно, что на скулах выступили желваки.

Когда он увидел Алису, его лицо напряглось ещё сильнее. Он шагнул к ней, но остановился, заметив Себастьяна, который шёл позади неё.

— Что он здесь делает? — спросил Дмитрий, и его голос прозвучал как рык. — Ты привела его на место преступления?

— Я пригласил его, — раздался голос Виктора. Он подошёл к ним, и его лицо было твёрдым, как камень. — Сегодня мы работаем вместе, Дмитрий. Это был наш уговор. Мы расследуем убийство совместно, и Себастьян — часть этой команды.

Дмитрий стиснул зубы, но промолчал. Алиса видела, как внутри него борется зверь — ярость и ревность, смешанные с болью и страхом. Она хотела подойти к нему, коснуться его руки, но знала, что сейчас это только разозлит его больше.

— Покажи нам тело, — сказал Себастьян, обращаясь к Виктору. — Я хочу увидеть метку.

Виктор кивнул и повёл их к складу. Внутри было темно и холодно, и запах крови смешивался с запахом старой древесины. Тело лежало на бетонном полу, накрытое чёрной тка-

нюю. Дмитрий откинул её, и Алиса увидела лицо убитого. Это был молодой волк, не старше двадцати пяти, с лицом, искажённым предсмертной мукой. На его шее зияла глубокая рана, и вокруг неё — та же печать, перевёрнутый полумесяц в круге.

— Его звали Алексей, — сказал Виктор тихо. — Он был одним из моих лучших охотников. Ему оставалось всего два месяца до помолвки.

Алиса наклонилась, чтобы рассмотреть метку ближе. Она чувствовала, как её печать на лбу начинает пульсировать, и в этот момент она увидела то, чего не замечали другие. На коже под меткой были тонкие, почти невидимые линии — не раны, а символы, которые были выжжены на плоти изнутри. Она коснулась их пальцем, и в тот же миг перед глазами вспыхнуло видение.

Тёмная комната. Свечи. Человек в чёрном с капюшоном, который склоняется над телом и вырезает символ. Его лицо скрыто, но она видит его руки — тонкие, бледные, с длинными пальцами. Он что-то шепчет на языке, которого она не понимает, и в его голосе слышится древняя сила.

Алиса отшатнулась, и видение исчезло. Она тяжело дышала, прижимая руку к груди.

— Алиса, что с тобой? — спросил Дмитрий, подходя к ней. — Ты побледнела.

— Я видела, — прошептала она. — Я видела, как его убивали. Там был кто-то в чёрном. Он вырезал символ и читал

заклинание.

Себастьян и Виктор переглянулись. На их лицах отразилось напряжение.

— Ты уверена? — спросил Себастьян. — Ты видела лицо убийцы?

— Нет, — ответила она. — Он был в капюшоне. Но я видела его руки. Они были... неестественно бледными. Как у вампира, но не совсем. И он говорил на языке, которого я не знаю.

— На языке Жрецов, — сказал Себастьян. — Я узнаю его по описанию. Это древний язык, который использовали служители Третьей Луны. Ты видела его в дневнике твоей матери.

Виктор сжал кулаки.

— Значит, это не просто убийство. Это ритуал. Кто-то приносит жертвы Третьей Луне. Зачем?

— Чтобы ослабить барьер, — ответил Себастьян. — Каждое убийство с этой печатью разрушает защиту Жрицы. Если убийств станет достаточно, барьер рухнет раньше времени, и мы не успеем подготовиться.

Дмитрий шагнул вперёд, и его глаза вспыхнули жёлтым светом.

— Это вы, вампиры! — закричал он. — Вы пытаетесь уничтожить нас! Вы убиваете наших братьев, а потом приходите с предложениями о мире, чтобы усыпить нашу бдительность!

— Дмитрий, остановись, — сказал Виктор строго. — Я уже говорил тебе. Это не вампиры. Я проверил. У нас есть доказательства, что в ночь убийства ни один вампир не покидал свою территорию.

— Доказательства? — усмехнулся Дмитрий. — Ты веришь ему, отцу? Он убил твоего отца. Он — враг. Ты забыл это?

— Я не забыл, — ответил Виктор, и его голос стал твёрже. — Но я помню также, что мы должны думать о будущем, а не о прошлом. Если мы начнём войну сейчас, мы потеряем всё. Ты это понимаешь?

Дмитрий замолчал, но в его груди клокотала ярость. Он посмотрел на Алису, и в его взгляде она прочитала обвинение. Он считал, что она предала его. Что она выбрала сторону вампиров. Она хотела объяснить ему, сказать, что она ищет правду, что она пытается спасти всех, но слова застряли в горле.

— Мы должны найти убийцу, — сказал Себастьян, нарушая тишину. — И для этого нам нужно работать вместе. Я предлагаю начать с расследования всех недавних исчезновений и подозрительных смертей. Возможно, мы найдём связь.

— Уже нашёл, — сказал Дмитрий, доставая из кармана смятый лист бумаги. — Вчера мои люди перехватили это сообщение. Оно было отправлено с территории вампиров в нейтральную зону.

Он протянул листок Себастьяну. Тот прочитал его, и его

лицо побледнело.

— Это не моя подпись, — сказал он. — Кто-то подделал её. Я не отправлял таких приказов.

— Ты лжёшь, — сказал Дмитрий. — Это написано твоей рукой. Я узнаю твой почерк. Ты приказал убить Алексея, чтобы ослабить стаю перед Полной Луной.

Алиса взяла листок и посмотрела на него. Почерк был изящным, аккуратным — действительно похожим на почерк Себастьяна. Но она заметила одну деталь: буква «р» была написана с небольшим наклоном, которого не было в записях, которые она видела в библиотеке.

— Это не он, — сказала она тихо. — Посмотрите. Буква «р» написана иначе. В подлинных записях Себастьяна она имеет петлю. Здесь — нет.

Себастьян взглянул на неё, и в его глазах промелькнуло удивление, смешанное с благодарностью.

— Она права, — сказал он. — Это подделка. Кто-то пытается сравнить нас. И этот кто-то достаточно умен, чтобы имитировать мой почерк.

Виктор взял листок и внимательно рассмотрел его. Он кивнул, соглашаясь.

— Дмитрий, — сказал он, — ты ошибся. Но это не значит, что ты должен доверять вампиру. Это значит только то, что у нас есть общий враг. Мы должны найти его, прежде чем он нанесёт следующий удар.

Дмитрий зарычал, но сдержался. Он повернулся и отошёл

к стене, ударив кулаком по бетону. Трещина разошлась от удара, но он не обратил на это внимания.

— Я не верю вам, — сказал он, не оборачиваясь. — Ни тебе, Себастьян, ни тебе, Алиса. Но я соглашусь на перемирие ради того, чтобы найти убийцу. Но если я узнаю, что вы имеете к этому отношение, я убью вас обоих.

Он вышел из склада, и его шаги гулко отдавались на бетонном полу. Алиса смотрела ему вслед и чувствовала, как внутри неё разрастается боль. Она теряла его. Он уходил в свой гнев, и она не знала, сможет ли вернуть его обратно.

— Мы должны продолжить расследование, — сказал Себастьян тихо. — У нас есть две недели. Давай вернёмся в библиотеку. Я покажу тебе, что мы знаем о Жрецах.

Алиса кивнула и вышла вслед за ним, оставляя отца и остальных волков на месте преступления. Она чувствовала их взгляды на своей спине — холодные, подозрительные. Они видели в ней предательницу. И, возможно, они были правы. Она выбирала правду, которая разрушала её связи с прошлым.

Библиотека Себастьяна снова встретила её запахом старой бумаги и воска. Они сели за стол, и он открыл перед ней толстый фолиант, переплетённый в чёрную кожу. На страницах были изображены сложные символы и схемы, и Алиса узнала в них те же линии, что видела в дневнике матери.

— Это «Книга Трёх Лун», — сказал Себастьян. — Она была написана двести лет назад последним Жрецом, кото-

рый жил в нашем городе. Он умер, но его записи сохранились. Здесь описаны все ритуалы, все символы, все жертвы, которые использовали Жрецы для поддержания барьера.

Алиса перелистнула страницы и остановилась на изображении печати Третьей Луны — перевёрнутого полумесяца в круге.

— Что это значит? — спросила она, указывая на символ.

— Это печать Жрецов, — ответил Себастьян. — Она символизирует их власть над Третьей Луной — той, что не светит на небе, но всегда присутствует. Жрецы верили, что Третья Луна — это небесное тело, которое существует в параллельном мире. Она питается энергией жертв. Каждый раз, когда они убивают кого-то с этой печатью, они посылают энергию Третьей Луне, и она становится сильнее.

— Зачем им это? — спросила Алиса. — Зачем им ослаблять барьер?

— Потому что, когда барьер падёт, Третья Луна откроется, — сказал Себастьян. — И Жрецы смогут вернуться в наш мир. Они спят уже тысячу лет, но если барьер разрушится, они проснутся. И тогда ни волки, ни вампиры не смогут их остановить. Они захватят город и уничтожат всех, кто не подчинится им.

Алиса почувствовала, как холодок пробежал по спине. Она думала, что Жрецы — это просто легенда, древняя сказка, которой пугали детей. Но теперь она знала, что они реальны. И они уже действуют.

— Мы должны остановить их, — сказала она. — Но как?

— Есть только один способ, — ответил Себастьян. — Ты должна провести ритуал Трёх Лун. Ты должна соединить волка, вампира и себя, чтобы восстановить барьер. Но для этого тебе нужно найти союзников — того, кто будет представлять волков, и того, кто будет представлять вампиров. И они должны добровольно согласиться на Связывание.

Алиса откинулась на спинку стула. Она знала, что это значит. Она должна выбрать Дмитрия как волка и Себастьяна как вампира. Или наоборот. Или кого-то другого. Но выбор был за ней, и он был тяжелее всего, что она делала в жизни.

— А если я не справлюсь? — спросила она. — Если я не смогу провести ритуал?

— Тогда барьер падёт, — сказал Себастьян, и в его голосе не было ни капли сомнения. — И город будет уничтожен. Мы все умрём. Твоя мать умрёт. И Третья Луна пробудится.

Алиса закрыла глаза. Она чувствовала тяжесть выбора, который лежал на её плечах. Она не просила этой судьбы, но теперь она была её частью. И она должна была принять её.

— Я сделаю это, — сказала она твёрдо. — Я проведу ритуал. Но сначала я должна увидеть свою мать. Я должна убедиться, что она жива.

Себастьян кивнул, соглашаясь.

— Мы пойдём к ней завтра, — сказал он. — Когда луна скроется за тучами. Это безопаснее.

Она согласилась, и они продолжили изучать книгу, пока

вечер не перешёл в ночь. Алиса читала о символах, о ритуалах, о том, как Жрецы создавали барьер и почему он разрушался. Она узнала, что её мать была не единственной Жрицей — таких было много, и каждая из них приносила себя в жертву, чтобы поддержать мир.

Когда она, наконец, закрыла книгу, её глаза слипались от усталости. Себастьян проводил её до ворот, и она пошла домой, держа в руках копии страниц, которые он дал ей.

Ночь была холодной и тихой. Над городом висела луна, уже почти полная, и её свет падал на улицы серебряным покрывалом. Алиса шла по нейтральной полосе и думала о том, что произошло за последние дни. Её жизнь изменилась необратимо. Она больше не была просто дочерью Альфы. Она была Хранительницей. И ей предстояло спасти всех.

Она подошла к своему дому и остановилась у двери. Внутри горел свет. Дмитрий ждал её. Она вошла, и он сидел на диване, сжимая в руках стакан с чем-то тёмным. Его глаза были красными, и она поняла, что он плакал.

— Ты была у него, — сказал он, и голос его был хриплым. — Снова.

— Да, — ответила она. — Но я не предаю тебя. Я ищу способ спасти нас всех. Ты должен понять это.

— Я не понимаю, — сказал он, вставая. — Я не понимаю, как ты можешь доверять ему. Он — монстр. Он убил мою семью. И ты спишь в его доме, читаешь его книги, смотришь ему в глаза.

— Я не сплю в его доме, Дмитрий, — сказала она устало.
— Я учусь. Я учусь тому, как спасти нашу мать, наш город, тебя. Если я не сделаю это, всё будет уничтожено.

Он шагнул к ней, и его руки сжали её плечи с такой силой, что она вздрогнула. Его дыхание было горячим, и в его глазах горел жёлтый огонь зверя.

— Тогда научи меня, — сказал он. — Возьми меня с собой. Я хочу видеть то, что видишь ты. Я хочу знать, чему ты учишься. Если ты действительно хочешь спасти нас, не закрывай меня от этого.

Алиса посмотрела на него. В его глазах она увидела не гнев, а страх. Страх потерять её. Страх быть оставленным.

— Хорошо, — сказала она. — Завтра я пойду в подземелье, чтобы увидеть мою мать. Ты можешь пойти со мной. Но ты должен обещать: ты не причинишь вреда Себастьяну. Мы должны работать вместе, если хотим выжить.

Дмитрий колебался, но кивнул. Он отпустил её и отошёл к окну, глядя на луну.

— Я обещаю, — сказал он. — Но только ради тебя.

Алиса подошла к нему и положила руку на его спину. Она чувствовала, как он напряжён, как внутри него борется зверь, но он сдерживал его ради неё. Это была маленькая победа, но она была.

— Спасибо, — сказала она тихо.

Они стояли так несколько минут, глядя на луну, и в тишине ночи Алиса чувствовала, как между ними растёт что-то

новое — недоверие, смешанное с надеждой. Они оба понимали, что их мир меняется, и они должны измениться вместе с ним, чтобы выжить.

А над городом висела луна, почти полная, и она смотрела на них, равнодушная и холодная. Но Алиса знала, что за этой холодностью скрывается нечто большее — нечто, что ждало своего часа, чтобы проснуться.

Она должна была быть готова.

Глава 5. Поцелуй под угрозой

Утро пришло серое и холодное, как и все предыдущие дни. Алиса проснулась на диване в своей квартире, укрытая пледом, который накинул на неё Дмитрий, когда она заснула прямо в одежде, изучая копии страниц из библиотеки Себастьяна. Запах его присутствия — влажной шерсти, железа и дыма — ещё витал в воздухе, но самого его не было. На столе лежала записка, написанная его неровным, торопливым почерком: «Ушёл к отцу. Вернусь через час. Не ходи никуда без меня. Д.»

Алиса сжала записку в руке и почувствовала, как внутри неё поднимается волна противоречивых чувств. Он пытался защитить её — заботился, как умел, по-волчьи, грубо и ревниво. Но эта забота душила её, как цепь, которую он надевал на неё, не спрашивая. Она должна была сама решать, куда идти и что делать.

Она встала, размяла затёкшие плечи и прошла на кухню. Кофеварка зашипела, наполняя комнату ароматом, который помогал собраться с мыслями. Она достала копии страниц, которые дал ей Себастьян, и снова перечитала их, пытаясь запомнить каждую деталь. Символы, ритуалы, имена Жрецов, карта подземелий, где держали её мать. Она должна была быть готова.

Через час, как и обещал, вернулся Дмитрий. Он был возбу-

дوراжен — его глаза горели, а на скулах играли желваки.

— Мы не можем идти к твоей матери сегодня, — сказал он, даже не поздоровавшись. — Отец собрал экстренный Совет стаи. Ещё одно тело нашли — не волка, а человека. В центре города. Тот же символ. Метка Третьей Луны.

Алиса почувствовала, как внутри всё оборвалось. Человек. Жрецы перешли к людям. Это означало, что они больше не скрываются. Они были готовы атаковать всех — волков, вампиров, людей — всех, кто стоял у них на пути.

— Нам нужно немедленно встретиться с Себастьяном, — сказала она, хватая куртку. — Возможно, это связано с ритуалом. Он должен знать.

Дмитрий схватил её за руку, останавливая.

— Ты слышишь меня? — сказал он, и голос его был напряжённым, почти умоляющим. — Я сказал, мы не можем идти. Отец требует, чтобы мы были на Совете. Если мы не придём, он расценит это как предательство. Ты же знаешь его.

— А если мы не встретимся с Себастьяном, будет ещё больше убийств, — ответила она, высвобождая руку. — Пойми, Дмитрий, барьер рушится. Каждая минута на счету. Мы должны действовать, а не сидеть на Советах и обсуждать, как распределить территории.

— Ты не понимаешь, — сказал он, и его глаза полыхнули жёлтым. — Ты думаешь, что знаешь, что делаешь, но ты просто бежишь за ним, как собачонка за костью. Ты довери-

лась вампиру, который убил мою семью, и теперь ты готова пожертвовать всем ради него.

— Это не ради него, — сказала она, и голос её стал твёрже.
— Это ради нас. Ради всех. Если ты не видишь этого, значит, ты слеп.

Она развернулась и пошла к двери, но он преградил ей путь, уперев руки в косяк.

— Ты не выйдешь отсюда, пока мы не поговорим, — сказал он, и его голос прозвучал как рык. — Я не позволю тебе снова бежать к нему.

Алиса остановилась. Она смотрела на него, и в её глазах была холодная решимость, которую он не видел раньше. Она больше не была той девушкой, которая колебалась между долгом и желанием. Она стала той, кто знает, что должна делать.

— Убери руки, Дмитрий, — сказала она тихо, но в её голосе была сталь. — Или я заставлю тебя.

Он усмехнулся, но в его усмешке не было веселья.

— Ты не сможешь, — сказал он. — Ты слишком слаба.

Она шагнула к нему, и в тот же миг её печать на лбу вспыхнула серебряным светом. Сила, которую она сдерживала все эти дни, вырвалась наружу, и он отшатнулся, почувствовав её. Её глаза засияли, и он увидел в них не просто девушку, которую знал с детства, а нечто большее, древнее и пугающее.

— Не испытывай меня, — сказала она. — Я не хочу вое-

вать с тобой, но если ты встанешь у меня на пути, я сделаю это.

Дмитрий замер. Он смотрел на неё, и в его взгляде смешались удивление и страх. Он не знал, что она стала такой сильной. Он не знал, что печать даёт ей такую власть.

— Алиса, — сказал он, и его голос дрогнул. — Ты... изменилась.

— Мир изменился, — ответила она. — Я должна измениться вместе с ним. Или мы все погибнем. Ты хочешь помочь мне или будешь стоять на месте?

Он колебался мгновение, но потом опустил руки. Он отступил, и его лицо было бледным, как никогда.

— Я пойду с тобой, — сказал он. — Но не потому, что я доверяю тебе. Потому что я не могу оставить тебя одну.

— Тогда пошли, — сказала она, и они вышли из квартиры.

В старый квартал они прибыли через час. Дмитрий шёл позади Алисы, держась на несколько шагов, и она чувствовала его напряжение — он был готов к бою, если понадобится. Она понимала, что для него это унижение — идти на территорию врага, но он делал это ради неё. И за это она была ему благодарна.

Себастьян встретил их у ворот. Его лицо было встревоженным, и он не скрывал этого.

— Я знаю, — сказал он, не тратя время на приветствия. — Человек в центре. Метка Третьей Луны. Это хуже, чем я думал. Они не просто убивают волков. Они собирают жертвы

для ритуала, и люди — часть этого.

— Что это за ритуал? — спросил Дмитрий, и его голос был резким. — Зачем им люди?

— Чтобы пробудить Третью Луну, — ответил Себастьян. — Им нужна энергия — кровь и души. Три жертвы — волк, вампир и человек. Они уже убили волка. Теперь они убили человека. Остаётся вампир. И когда они завершат ритуал, барьер рухнет.

Алиса почувствовала, как холодок пробежал по спине. Три жертвы. Три клана. Кто-то методично уничтожал по одному представителю каждого, чтобы разрушить барьер, созданный её матерью.

— Мы должны остановить их, — сказала она. — Нам нужно найти, где они готовят ритуал, и уничтожить его.

— Я знаю, — сказал Себастьян. — Я уже начал поиски. Мои люди прочесывают старый квартал и нейтральную полосу. Но нам нужно больше времени. Сегодня ночью — Полная Луна. Она будет пиком их силы. Если они завершат ритуал, мы уже не сможем остановить их.

Дмитрий шагнул вперёд, и его глаза горели.

— Тогда нам нужно действовать сейчас, — сказал он. — Немедленно.

— Нет, — сказал Себастьян. — Мы не знаем, где они. Если мы начнём охоту вслепую, мы попадём в ловушку. Нужно подождать, пока они обнаружат себя.

— Ждать? — зарычал Дмитрий. — Ты предлагаешь нам

ждать, пока они убьют ещё кого-то?

— Я предлагаю быть умнее, чем они, — ответил Себастьян спокойно. — Если мы атакуем без плана, мы все умрём. И тогда их ритуал завершится. Это не вариант.

Алиса встала между ними, разводя руками.

— Хватит, — сказала она. — Мы не будем спорить. Мы будем работать вместе, как и договаривались. Себастьян, ты продолжишь искать место ритуала. Дмитрий, ты соберёшь информацию о том, что происходит на волчьей территории. А я... я пойду к матери. Она должна знать, что происходит.

— Ты не пойдёшь одна, — сказали они одновременно, и в их голосах прозвучала одинаковая тревога.

Алиса посмотрела на них, и в её душе шевельнулось что-то тёплое. Они оба заботились о ней, каждый по-своему, и эта забота была искренней. Но она знала, что должна идти одна — это её путь, её судьба.

— Я пойду с ней, — сказал Дмитрий, глядя на Себастьяна. — Я обещал ей. И я сдержу слово.

Себастьян хотел возразить, но Алиса остановила его взглядом.

— Пусть идёт, — сказала она. — Это справедливо.

Она повернулась к Дмитрию.

— Мы пойдём вместе, — сказала она. — Но ты должен слушаться меня. Если я скажу, что нужно уйти, мы уходим. Без вопросов.

Он кивнул, и она увидела в его глазах что-то, что не ви-

дела раньше — уважение. Он начинал понимать, что она изменилась. Что она больше не та беззащитная девушка, которую он знал.

Они вышли из особняка и направились к подземельям. Дмитрий шёл рядом, и его рука была на поясе, где висело оружие. Алиса чувствовала его присутствие, и это давало ей силы.

Они спустились по каменным ступеням в старую часть города, которая давно была заброшена. Здесь пахло сыростью, плесенью и чем-то ещё — древним, почти забытым. Туннели были узкими, и в них гулял ветер, который приносил звуки, похожие на шёпот. Алиса знала, что это — голоса Жрецов, которые спали глубоко под землёй.

Они прошли через несколько залов, и наконец, она увидела алтарь. Он стоял в центре большого подземного пространства, освещённого тусклым светом, который исходил от кристаллов, вмурованных в стены. На алтаре лежала её мать.

Елена Воронова была бледной, как призрак, и её глаза были закрыты. Она была прикована к алтарю серебряными цепями, и вокруг неё вращались символы, которые пульсировали в такт с её дыханием. Она была жива, но едва. Её жизнь уходила в барьер, который она поддерживала.

Алиса подбежала к ней и упала на колени у алтаря.

— Мама, — прошептала она, касаясь её руки. — Мама, я здесь.

Елена открыла глаза. Они были тёплыми, карими — та-

кими же, как у Алисы, — и в них блеснула искра узнавания.

— Алиса, — сказала она, и голос её был слабым, как дуновение ветра. — Ты пришла. Я знала, что ты придёшь.

— Я здесь, — сказала Алиса, сжимая её руку. — Я вытащу тебя отсюда. Я обещаю.

— Нет, — сказала Елена. — Не сейчас. Если ты освободишь меня, барьер рухнет. Я должна оставаться здесь, пока ты не будешь готова завершить ритуал.

— Но ты умираешь! — воскликнула Алиса, и слёзы потекли по её щекам. — Я не могу позволить тебе умереть.

— Я уже живу дольше, чем должна, — сказала Елена, и в её голосе послышалась грусть. — Я сделала этот выбор, когда родила тебя. Я знала, что однажды я должна буду заплатить эту цену. Но я не жалею об этом. У меня была ты. И я люблю тебя.

Алиса прижалась лбом к руке матери и плакала, не стесняясь слёз. Она чувствовала, как сила матери перетекает в неё, как её собственная печать начинает светиться ярче. Она знала, что это — последний дар матери. Передача силы.

— Ты должна быть сильной, — сказала Елена. — Ты должна завершить то, что я начала. Три луны — это не проклятие. Это дар. Ты можешь изменить мир. Но ты должна выбрать, как именно.

— Я не знаю, как, — прошептала Алиса. — Я не знаю, что делать.

— Ты узнаешь, — сказала Елена. — Когда придёт время,

ты почувствуешь. Доверься своей крови. Она знает путь.

Она закрыла глаза, и её рука ослабла в ладони Алисы. Но она была жива. Её сердце билось — слабо, но ровно. Алиса поднялась, вытирая слёзы, и повернулась к Дмитрию, который стоял у входа, скрестив руки на груди.

— Она жива, — сказала она. — Мы должны спасти её.

— Мы спасём, — сказал он, и в его голосе была твёрдость, которой она не ожидала. — Я обещаю.

Они вышли из подземелья, и свежий воздух ударил в лицо. Над городом уже сгущались сумерки, и луна поднималась над крышами, большая и серебряная. Полная Луна.

— Мы должны вернуться к Себастьяну, — сказала она. — У нас есть только одна ночь.

Дмитрий кивнул, и они пошли к выходу из старого квартала. Но на полпути к воротам Алиса остановилась. Она почувствовала это — холодный, липкий страх, который пробежал по её спине. Чужое присутствие.

— Дмитрий, — сказала она тихо. — Мы не одни.

Он обнажил оружие, и его глаза вспыхнули жёлтым. Из тени выступили трое — высокие, неестественно бледные, с глазами, которые светились красным и серебряным одновременно. Они не были ни волками, ни вампирами. Это были гибриды.

— Кто вы? — спросила Алиса, отступая назад.

— Мы — дети Третьей Луны, — сказал один из них, и голос его звучал как эхо. — Мы пришли за тобой.

Дмитрий зарычал и бросился на них, но гибриды двигались быстрее. Они отбросили его в сторону, и он ударился о стену, потеряв сознание.

Алиса осталась одна. Она стояла в центре круга, который образовали гибриды, и чувствовала, как её сила пробуждается. Она не знала, как её использовать, но она знала, что должна попытаться.

— Оставьте меня в покое! — закричала она, и её печать вспыхнула ярким серебряным светом.

Гибриды заколебались, но не отступили. Они шагнули к ней, и она поняла, что не сможет победить их одна.

Но в этот момент из тени появился Себастьян. Он был быстрее, чем она думала, — он ворвался в круг, сбивая одного из гибридов ударом, от которого тот отлетел на несколько метров. В его руках был клинок, который светился серебряным светом, и он двигался с грацией, которую она не видела раньше.

— Убирайтесь! — закричал он, и его голос прозвучал как раскат грома.

Гибриды отступили, но не ушли. Они стояли в тени, наблюдая, и в их глазах горел голод. Они ждали.

Себастьян подошёл к Алисе и взял её за руку.

— Иди за мной, — сказал он. — Быстро.

Они побежали по улицам старого квартала, и гибриды преследовали их, но Себастьян знал путь, который они не могли пройти. Они свернули в подземный переход, который

вёл в библиотеку, и закрыли за собой массивную железную дверь.

Алиса тяжело дышала, прислонившись к стене. Её сердце бешено колотилось.

— Что это было? — спросила она. — Кто они?

— Гибриды, — сказал Себастьян. — Их создал кто-то, кто использует магию Третьей Луны. Они существуют только в ночи Полной Луны. И они хотят тебя.

— Зачем?

— Потому что ты — мост, — ответил он. — Если они убьют тебя или захватят, барьер рухнет мгновенно. Мы не можем позволить этому случиться.

Она посмотрела на него, и в её глазах был страх, но она не могла его показать. Она должна была быть сильной.

— Что мне делать? — спросила она.

— Ты должна научиться контролировать свою силу, — сказал он, и его голос стал мягче. — И я помогу тебе. Но для этого ты должна доверять мне. Полностью.

Алиса колебалась. Она не знала, можно ли ему доверять. Но когда она посмотрела в его глаза, она увидела в них искренность. И боль. Глубокую, старую боль, которую он носил веками.

— Хорошо, — сказала она. — Я доверяю тебе.

Он шагнул к ней, и она не отстранилась. Он взял её лицо в свои ладони, и его пальцы были холодными, но нежными.

— Я обещаю, что защищу тебя, — сказал он. — Что бы

ни случилось.

И он поцеловал её.

Это был мягкий, почти неслышный поцелуй — как прикосновение ветра, как шёпот ночи. Алиса закрыла глаза и позволила себе раствориться в нём. Она чувствовала, как его холод смешивается с её теплом, как их силы переплетаются, создавая нечто новое — нечто, что было больше, чем просто поцелуй.

Когда они отстранились, она посмотрела на него, и в её глазах была смесь удивления и благодарности.

— Почему ты это сделал? — спросила она.

— Потому что я ждал этого двести лет, — ответил он. — С тех пор, как я встретил твою мать, я ждал, когда я встречу ту, кто сможет спасти меня. И теперь я знаю, что это ты.

Алиса стояла, не в силах говорить. Внутри неё бушевали эмоции — страх, благодарность, любовь, которую она не могла назвать. Она знала, что этот поцелуй изменил всё.

Но она не могла сказать об этом Дмитрию. Она не могла рассказать никому. Этот секрет останется только между ними.

— Мы должны вернуться, — сказала она. — Дмитрий. Он потерял сознание. Мы должны помочь ему.

Себастьян кивнул, и они вышли из библиотеки, направляясь к месту, где они оставили Дмитрия. Но на полпути Алиса остановилась.

— Себастьян, — сказала она. — Я не знаю, что я чув-

ствую. Но я знаю, что это важно. Ты важен.

Он улыбнулся, и в его улыбке была печаль, которую она не могла понять.

— Это всё, что мне нужно, — сказал он. — Иди. Мы спасём твоего волка.

Они нашли Дмитрия, который уже приходил в себя, трясая головой. Он посмотрел на Алису, и в его взгляде был вопрос, который он не мог задать.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Да, — ответила она. — Я в порядке. Себастьян спас меня.

Дмитрий посмотрел на вампира, и в его глазах смешались ненависть и благодарность.

— Спасибо, — выдавил он.

— Не за что, — ответил Себастьян. — Мы должны работать вместе, если хотим выжить. Завтра — Полная Луна. Мы должны быть готовы.

Они вернулись в особняк, и Алиса чувствовала, как внутри неё всё меняется. Она больше не была просто пешкой в чужой игре. Она была Хранительницей. Она была мостом. И она была готова принять свою судьбу.

Но в её сердце жил секрет — поцелуй, который изменил всё. Она не могла рассказать о нём никому. Она не могла позволить себе слабость, когда мир рушился на её глазах.

Она смотрела на луну и знала, что завтра всё изменится. Полная Луна — это точка невозврата. И она должна быть

готова.

Алиса закрыла глаза и вспомнила его прикосновение. И в этом воспоминании она нашла силы идти дальше.

Глава 6. Печать Третьей Луны

Ночь после нападения гибридов прошла в тревожном полузабытии. Алиса лежала на кровати в одной из гостевых комнат особняка Себастьяна, глядя в высокий потолок, расписанный фресками, которые рассказывали истории, забытые веками. Она не могла уснуть — перед глазами снова и снова всплывало лицо матери, её бледная кожа, слабый голос, который шептал: «Ты должна завершить то, что я начала». И поцелуй Себастьяна. Холодный, нежный, оставляющий после себя странное тепло, которое она не могла объяснить.

Она провела пальцами по губам, всё ещё чувствуя его прикосновение. Это было неправильно. Это было предательством по отношению к Дмитрию. Но в то же время это было правильно — как будто, так и должно было случиться. Как будто она ждала этого всю свою жизнь, сама не зная.

Алиса села на кровати и потёрла виски. Её печать на лбу пульсировала — слабо, но ритмично, как второе сердце. Она знала, что это означает. Полная Луна приближалась. Она чувствовала её приближение каждой клеткой тела — как зверь, который слышит зов стаи.

В дверь постучали. Тихо, почти неслышно.

— Войдите, — сказала она, и в комнату вошёл Себастьян. Он был в том же чёрном костюме, но без сюртука, в белой

рубашке с расстёгнутым воротом. Его волосы были слегка влажными, и она поняла, что он не спал — он тоже чувствовал приближение луны.

— Ты не спишь, — сказал он, и в его голосе не было вопроса. Это было утверждение.

— Я не могу, — ответила она. — Слишком много мыслей. Слишком много вопросов.

Он подошёл к окну и остановился рядом с ней, глядя на луну, которая висела над городом, почти круглая. Её свет заливал комнату серебром, и он делал всё вокруг призрачным и нереальным.

— Завтра ночью — Полная Луна, — сказал он. — Ты чувствуешь её? Как она зовёт твою кровь?

— Да, — призналась она. — Она пульсирует во мне. Как будто я сама становлюсь луной.

— Это твоя природа, — сказал он, поворачиваясь к ней. — Ты — дитя трёх лун. Ты чувствуешь их так, как никто другой. Но ты должна научиться контролировать это чувство, иначе оно поглотит тебя.

Алиса посмотрела на него. В свете луны его лицо казалось ещё бледнее, а глаза — глубже, с оттенком зелёного, который напоминал ей лес в полдень.

— Ты говорил, что знаешь всё о Третьей Луне, — сказала она. — Расскажи мне. Всё. Я должна понять, что я такое.

Себастьян кивнул и сел в кресло напротив неё. Он сложил руки на коленях и посмотрел на неё с серьёзным выражением.

ем.

— Третья Луна — это не небесное тело, — начал он. — Это не луна в нашем понимании. Это параллельный мир, который существует в тени нашего. Там, где нет времени, нет пространства — только энергия, которая ждёт, чтобы её пробудили. Тысячи лет назад Жрецы Третьей Луны обнаружили, как открывать ворота в этот мир. Они использовали его силу, чтобы управлять волками и вампирами — чтобы держать их в равновесии.

— Как это связано с моей матерью? — спросила Алиса.

— Твоя мать была последней из Жриц, — ответил он. — Она унаследовала эту силу, но она не хотела использовать её для контроля. Она хотела, чтобы кланы жили в мире. Поэтому она создала барьер — чтобы отделить Третью Луну от нашего мира. Но для этого ей пришлось принести себя в жертву. Она запечатала себя в барьере, и её жизнь стала его основой.

Алиса сжала руки в кулаки. Она чувствовала, как внутри неё поднимается гнев — на судьбу, на мать, на всех, кто допустил, чтобы она стала пешкой в чужой игре.

— Но теперь барьер рушится, — сказала она. — И кто-то убивает людей, чтобы ускорить это.

— Да, — сказал Себастьян. — Кто-то хочет пробудить Третью Луну. Мы не знаем, кто это — возможно, один из Жрецов, который выжил. Возможно, кто-то, кто нашёл их знания и использует их. Но мы знаем, что они используют

печать Третьей Луны — этот символ, который ты видела на телах.

Он поднялся и подошёл к книжному шкафу, стоящему в углу комнаты. Он провёл пальцем по корешкам книг, пока не нашёл нужную — тонкую, в тёмной коже, с серебряным тиснением. Он принёс её и положил на стол перед Алисой.

— Это «Книга Печатей», — сказал он. — Здесь описаны все символы, которые использовали Жрецы. И здесь есть тот, который мы ищем.

Он открыл книгу на середине, и Алиса увидела изображение — перевёрнутый полумесяц в круге, точно такой же, как на шее убитого волка. Под рисунком были строки на древнем языке, который она не могла прочитать, но понимала его смысл.

— Что это значит? — спросила она.

— Это печать Третьей Луны, — сказал Себастьян. — Она символизирует власть над жизнью и смертью. Жрецы носили её, когда проводили ритуалы. Это была их марка, их подпись. Они оставляли её на телах своих жертв, чтобы показать, что они — слуги Третьей Луны. И они верили, что, убивая своих жертв, они посылают их души в Третий Мир, чтобы те служили им вечно.

Алиса почувствовала, как по её спине пробежал холодок. Она коснулась пальцем символа, и в тот же миг перед глазами вспыхнуло видение.

Она стояла в огромном зале, стены которого были покры-

ты серебряными рунами. Перед ней был алтарь, на котором лежало тело — человека, волка, вампира. Вокруг алтаря стояли фигуры в чёрных капюшонах, и они пели. Их голоса сливались в один, и в этом пении была сила, которая пронизывала её насквозь. Она чувствовала, как из неё вытекает энергия, как она тает, исчезает, превращается в свет, который поднимается к потолку.

— Алиса! — голос Себастьяна вырвал её из видения. — Алиса, ты слышишь меня?

Она моргнула и увидела его лицо совсем близко. Его руки держали её за плечи, и она поняла, что почти упала.

— Я... я видела, — прошептала она. — Я видела, как они проводят ритуал. Жрецы. Они пели, и их голоса... они забирали жизнь.

— Ты видела сквозь печать, — сказал Себастьян, и в его голосе был страх. — Это означает, что твоя сила растёт. Ты начинаешь видеть то, что скрыто от других.

— Это было ужасно, — сказала она. — Я чувствовала, как они забирают душу. Как она уходит в свет.

— Это их цель, — сказал Себастьян. — Они забирают души, чтобы наполнить Третий Мир силой. Чем больше жертв, тем больше сила, которая ждёт пробуждения.

Алиса отстранилась от него и встала. Она подошла к окну и посмотрела на луну. Она казалась ей живой — она пульсировала, как сердце, и в её свете Алиса видела лица — тысячи лиц, которые смотрели на неё с немим вопросом.

— Что, если я не смогу остановить их? — спросила она.

— Что, если я не справлюсь?

— Ты справишься, — сказал Себастьян, подходя к ней.

— Я видел, что ты можешь. Ты сильнее, чем думаешь. Ты

— дочь Жрицы. Ты носишь её печать. И в тебе есть сила, которая может изменить всё.

Она повернулась к нему. Их взгляды встретились, и она снова почувствовала ту странную связь, которая возникла между ними в момент поцелуя.

— Почему ты так веришь в меня? — спросила она. — Ты знаешь меня всего несколько дней.

— Я знаю тебя двести лет, — ответил он, и его голос был тихим, почти интимным. — Я знал твою мать. Я видел её в тебе — её силу, её решимость, её любовь. И я знаю, что ты не подведёшь её. Или меня.

Алиса хотела ответить, но в этот момент за дверью послышались шаги. Тяжёлые, уверенные. Дмитрий.

Он вошёл без стука, и его взгляд сразу упал на них — на Алису и Себастьяна, стоящих так близко, что между ними можно было просунуть лишь ладонь. Его глаза вспыхнули жёлтым, и он сжал кулаки.

— Что здесь происходит? — спросил он, и его голос был холодным, как лёд.

— Мы говорили, — ответила Алиса спокойно. — О печати. О Третьей Луне.

— Я видел, как вы говорили, — сказал Дмитрий, и в его

голосе была сталь. — Ты опять ищешь его, Алиса. Ты опять забываешь, кто ты и кому принадлежишь.

— Я никому не принадлежу, — сказала она, и её голос стал твёрже. — Ты не можешь владеть мной, Дмитрий. Я не вещь.

Дмитрий шагнул к ней, но Себастьян встал между ними, заслоня её собой.

— Не приближайся к ней, — сказал он, и его голос был спокойным, но в нём слышалась угроза. — Ты не имеешь права прикасаться к ней, если она не хочет этого.

— Ты не смеешь указывать мне, — зарычал Дмитрий. — Она — моя невеста. Она должна быть со мной. А не с тобой, вампир.

— Я ничья невеста, пока я сама не скажу об этом, — сказала Алиса, выходя из-за спины Себастьяна. — И если ты не прекратишь вести себя как ревнивый зверь, я уйду навсегда. Я сделаю это, Дмитрий. Ты знаешь, что я могу.

Дмитрий замер. Он смотрел на неё, и в его глазах смешались гнев, боль и страх. Он не мог потерять её. Он знал это. И она знала это.

— Хорошо, — сказал он, сдаваясь. — Хорошо. Я уйду. Но я вернусь, когда ты одумаешься.

Он развернулся и вышел, хлопнув дверью с такой силой, что стены содрогнулись. Алиса осталась стоять, глядя на закрытую дверь, и чувствовала, как её сердце разрывается между двумя мирами.

— Ты должна была рассказать ему о поцелуе, — сказал Себастьян тихо.

— Нет, — ответила она. — Это не его дело. Это моё дело. И я сама решу, что делать с этим.

Себастьян кивнул и отошёл к столу. Он закрыл книгу и положил её на место.

— Полная Луна завтра, — сказал он. — Мы должны быть готовы. Я покажу тебе, как использовать силу, чтобы защитить себя. Ты должна научиться этому сегодня.

Алиса подошла к нему и села напротив. Она чувствовала, как внутри неё нарастает решимость. Она не могла позволить себе слабость. Она должна была стать сильной — ради матери, ради отца, ради всех, кто зависел от неё.

— Научи меня, — сказала она. — Я готова.

Они провели остаток ночи в библиотеке. Себастьян показывал ей символы, которые активировали её силу, учил её чувствовать свою кровь, которая пела в такт луне. Это было похоже на танец — сложный, древний, в котором она должна была двигаться в ритме, который знала только она.

— Закрой глаза, — сказал он. — Почувствуй печать на своём лбу. Она пульсирует, как второе сердце. Дыши в её ритме.

Алиса закрыла глаза и сосредоточилась. Она почувствовала, как печать начинает светиться — слабо, но уверенно. Она почувствовала, как энергия поднимается от пяток к груди, к горлу, к глазам.

— Теперь, — сказал он, — представь, что ты — луна. Ты видишь всё, что происходит внизу. Ты — свет, который озаряет всё. Ты — тьма, которая скрывает всё. Ты — и то, и другое.

Она открыла глаза, и в них горел серебряный свет. Она видела комнату, но видела её иначе — она видела энергию, которая текла через стены, через воздух, через неё саму. Она видела, как свет и тень переплетаются, создавая узор, который был невидим для обычного глаза.

— Я вижу, — прошептала она. — Я вижу всё.

— Это твой дар, — сказал Себастьян. — Ты можешь видеть, что скрыто. Ты можешь чувствовать, что другие не чувствуют. Ты — мост между мирами.

Она опустила взгляд и посмотрела на него. В его глазах она увидела своё отражение — сияющее, почти божественное. И в этом отражении она увидела, что она действительно может изменить всё.

— Я готова, — сказала она. — Я готова к завтрашней ночи.

Себастьян улыбнулся, и в его улыбке была гордость.

— Я знал, что ты готова, — сказал он. — Ты всегда была готова. Ты просто не знала этого.

Утро наступило слишком быстро. Алиса проснулась на диване в библиотеке, укрытая пледом, который накинул на неё Себастьян. Она чувствовала себя отдохнувшей — впервые за много дней. Её печать была спокойна, и в груди было

тепло.

Она встала и подошла к окну. Над городом висело бледное утреннее небо, и облака начинали рассеиваться, открывая солнце. Но она знала, что к вечеру оно скроется за тучами, и наступит ночь Полной Луны.

В библиотеку вошёл Себастьян с подносом, на котором стояли чай и булочки.

— Ты должна поесть, — сказал он. — Сегодня будет трудный день.

Она села за стол и взяла чашку. Тёплый чай согрел её руки, и она сделала глоток, чувствуя, как он разливается по телу.

— Что будет сегодня? — спросила она.

— Мы встретимся с твоим отцом и Дмитрием, — сказал он. — Мы договорились о совместной защите. Все три клана выйдут на границы, чтобы остановить Жрецов. Это будет первое совместное действие за сотни лет.

— Ты думаешь, это сработает? — спросила она.

— Я надеюсь, — ответил он. — Но ты должна быть готова к тому, что Жрецы будут сильнее, чем мы думаем. Ты должна быть готова использовать свою силу.

Алиса кивнула, и в её душе росла решимость. Она знала, что должна сделать. Она должна была защитить свой город, свою семью, свой мир. И она сделает это, даже если это будет стоить ей жизни.

Они поели и отправились в центр города, где уже собира-

лись волки и вампиры. Алиса видела, как они стоят по разные стороны, как воздух между ними искрится от напряжения. Но она также видела, что они готовы к союзу — хотя бы на одну ночь.

Дмитрий стоял во главе волчьей армии. Он был высоким и гордым, и его глаза горели жёлтым. Когда он увидел Алису, он шагнул к ней, и в его взгляде была смесь любви и боли.

— Ты готова? — спросил он.

— Я готова, — ответила она.

Он кивнул и отошёл. Она знала, что он сделает всё, чтобы защитить её. Но она также знала, что её судьба не в его руках. Она в её собственных руках.

Солнце клонилось к закату, и небо начинало окрашиваться в багровые и оранжевые тона. Луна уже поднималась на востоке — большая, круглая, почти идеальная. Полная Луна.

Алиса стояла в центре площади, и вокруг неё собирались все трое — волки, вампиры, люди, которые не знали правды, но чувствовали, что что-то должно случиться. Она подняла руки к небу и закрыла глаза.

— Три луны, — прошептала она. — Я готова принять вашу силу. Я готова стать вашим мостом.

И в этот момент луна засияла ярче, чем когда-либо. Серебряный свет залил площадь, и Алиса почувствовала, как её сила пробуждается. Она была готова.

Но где-то в тени, за пределами света, стояла фигура в чёрном капюшоне. Она смотрела на Алису и улыбалась.

Жрецы начинали своё движение.

И ночь Полной Луны только начиналась.

Глава 7. Отец и дочь

Ночь Полной Луны прошла без нападений. Жрецы не пришли. Они ждали. Это было хуже, чем битва, — напряжённое ожидание, когда каждый шорох казался шагом врага, а каждая тень — убийцей. Алиса стояла на площади до самого рассвета, чувствуя, как её сила пульсирует в такт с луной, готовая вырваться наружу, но враг не появился. Они просто наблюдали. Проверяли её. И это было самой страшной частью.

Когда солнце поднялось над горизонтом, окрашивая небо в бледные розовые и золотые тона, Алиса почувствовала, как напряжение, наконец, отпускает её. Она была измождена до предела, но внутри горел холодный огонь решимости. Она знала: Жрецы не отступят. Они просто ждут подходящего момента. И она должна быть готова к этому моменту, что бы он ни принёс.

Дмитрий подошёл к ней, когда она стояла у края площади, глядя на утренний город. Его глаза были красными от бессонной ночи, но в них всё ещё горел жёлтый огонь.

— Ты должна отдохнуть, — сказал он, и его голос был мягче, чем обычно. — Ты не спала двое суток.

— Я не могу, — ответила она. — Они не пришли. Они ждут. Я чувствую это.

— Мы знаем, — сказал он, беря её за руку. — Но если ты

не отдохнёшь, ты не сможешь сражаться, когда они придут. Пойдём, я провожу тебя домой.

Она хотела возразить, но поняла, что он прав. Её тело было тяжёлым, как свинец, а мысли путались. Она позволила ему провести её через улицы к нейтральной полосе, к её квартире. Они шли молча, но в этом молчании было что-то новое — не враждебность, а усталое принятие. Он больше не ревновал её к Себастьяну. По крайней мере, не показывал этого.

Когда они подошли к её двери, она остановилась и посмотрела на него.

— Спасибо, — сказала она. — За то, что был рядом.

Он кивнул, и в его глазах промелькнула тень той боли, которую она знала слишком хорошо.

— Я всегда буду рядом, — сказал он. — Даже если ты не хочешь этого.

Она не ответила. Она вошла в квартиру и закрыла за собой дверь, оставляя его одного в коридоре. Она слышала, как он постоял несколько секунд, а потом его шаги затихли вдалеке.

Алиса рухнула на кровать, даже не раздеваясь. Сон пришёл мгновенно — глубокий, тёмный, без сновидений. Она спала как мёртвая, и это было единственное спасение, которое она могла себе позволить.

Она проснулась от того, что кто-то тряс её за плечо. Солнце уже клонилось к закату, и комната была залита оранже-

вым светом. Она моргнула, пытаясь сфокусироваться, и увидела перед собой лицо отца.

Виктор Воронов стоял у её кровати, и его лицо было бледным, с глубокими тенями под глазами. Он выглядел старым и уставшим, как человек, который нёс на своих плечах непосильную ношу.

— Алиса, — сказал он, и голос его был мягче, чем она когда-либо слышала. — Нам нужно поговорить.

Она села, растирая лицо руками. Её голова гудела, и она чувствовала, как печать на лбу пульсирует, предупреждая о чём-то.

— Что случилось? — спросила она. — Жрецы напали?

— Нет, — ответил он. — Но это связано с ними. И с твоей матерью. Я должен сказать тебе правду. Правду, которую я скрывал двадцать лет.

Алиса замерла. Она смотрела на отца, и в её груди разрассталось холодное чувство. Она знала, что он собирается сказать что-то, что изменит всё.

— Что ты скрывал? — спросила она, и голос её дрогнул.

Виктор сел на стул у её кровати, и впервые она увидела его не как Альфу, не как главу стаи, а как мужчину, который был сломлен горем.

— Твоя мать жива, — сказал он. — Я знал это всё время. Она не исчезла двадцать лет назад. Она заключила себя в барьере, чтобы спасти нас всех. И я знал об этом. Я знал, где она. Я знал, что она страдает. И я ничего не сделал.

Алиса почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она вскочила с кровати, и её сердце забилося с такой силой, что она едва могла дышать.

— Ты знал? — прошептала она, и в её голосе был шок, смешанный с гневом. — Ты знал, что она жива, и ничего не сказал мне? Двадцать лет, отец. Двадцать лет я думала, что она мертва. Двадцать лет я оплакивала её. И ты просто молчал?

— Я не мог сказать тебе, — сказал он, и его голос был умоляющим. — Если бы кто-то узнал, что она — Жрица, что она держит барьер, они бы попытались уничтожить её. Она была в опасности. И мы все были в опасности.

— В опасности? — закричала Алиса, и её голос разнёсся по комнате. — Она умирала там! Она была прикована к алтарю, в подземелье, одна, без надежды! И ты ничего не сделал!

— Я делал, — сказал он, вставая. — Я делал всё, что мог. Я посылал ей еду, воду, лекарства. Я охранял вход в подземелье, чтобы никто не нашёл её. Я делал всё, чтобы она была в безопасности.

— Но ты не спас её! — закричала Алиса, и слёзы потекли по её щекам. — Ты оставил её там умирать! Ты предал её!

Виктор шагнул к ней, протягивая руки, но она отшатнулась. Она не хотела, чтобы он касался её. Она не хотела чувствовать его тепло, когда внутри неё бушевал ледяной гнев.

— Алиса, послушай меня, — сказал он, и его голос был

умоляющим. — Она сама выбрала это. Она сказала мне, что должна сделать это, чтобы спасти нас. Она сказала, что это её долг, её судьба. И я должен был уважать её выбор.

— Её выбор? — Алиса засмеялась, но в смехе не было веселья. — Ты позволил ей принести себя в жертву, потому что это был её выбор? Ты просто сдался! Ты не боролся за неё!

— Я боролся, — сказал он, и его голос стал твёрже. — Я боролся каждый день. Но я не мог освободить её, потому что если бы я это сделал, барьер рухнул бы. И все мы погибли бы. Это была цена, Алиса. Это была цена, которую мы должны были заплатить.

Алиса смотрела на него, и в её глазах была боль, которую невозможно было описать словами. Она чувствовала, как внутри неё что-то ломается — любовь к отцу, доверие, которое она питала к нему всю свою жизнь.

— Ты предал её, — сказала она тихо. — Ты предал нас всех. Ты позволил ей страдать двадцать лет. И ты сделал это ради... чего? Ради мира, который сейчас рушится?

— Я сделал это ради тебя, — сказал он, и его голос дрогнул. — Я сделал это, чтобы защитить тебя. Она просила меня об этом. Она сказала: «Защити нашу дочь. Сделай всё, что нужно, чтобы она была в безопасности». И я сделал это.

— Но ты не защитил меня, — сказала она. — Ты оставил меня одну. Ты солгал мне. Ты сказал мне, что она умерла. Ты позволил мне жить с этой ложью двадцать лет. Как я могу

когда-либо простить тебя?

Виктор опустил голову. Его плечи поникли, и впервые она увидела его сломленным.

— Я не прошу тебя прощать меня, — сказал он. — Я прошу тебя понять. Я сделал то, что должен был сделать. И если бы мне пришлось выбирать снова, я бы сделал то же самое. Потому что я люблю тебя. И я люблю её. И я не мог позволить никому из вас умереть.

Алиса отвернулась. Она подошла к окну и посмотрела на город, который начинал погружаться в сумерки. Над крышами уже поднималась луна — не совсем полная, но уже почти круглая. Вторая ночь. Осталось всего две до Голубой Луны.

— Где она? — спросила она, и голос её был холодным, как лёд. — Ты знаешь, где она. Ты должен был знать всё это время.

— В подземелье под старым кварталом, — сказал он. — Там, где ты уже была. Ты нашла её, Алиса. Ты знаешь, где она.

Она повернулась к нему. В её глазах горел серебряный свет, и он увидел в ней не просто свою дочь, а нечто большее — Жрицу, которая пробуждалась.

— Ты знаешь, что я сделаю? — спросила она. — Я освобожу её. Я спасу её. И если барьер рухнет — пусть рушится. Я не позволю ей умереть там.

— Ты не можешь, — сказал он, и в его голосе прозвучал страх. — Если ты освободишь её, Жрецы пробудятся. Они

уничтожат всё. Ты не представляешь, что они могут сделать.

— Я представляю, — сказала она. — Я видела их. Я чувствовала их силу. Но я не боюсь их. И я не позволю твоему страху управлять мной.

Она пошла к двери, но он схватил её за руку.

— Алиса, пожалуйста, — сказал он. — Не делай этого. Позволь мне помочь тебе. Мы найдём другой способ. Мы спасём её, но не ценой всего.

Она остановилась и посмотрела на него. В его глазах она увидела мольбу — искреннюю, отчаянную мольбу человека, который боялся потерять всё.

— Тогда помоги мне, — сказала она. — Помоги мне найти способ спасти её. Но не проси меня оставить её там. Не проси меня смириться с этим.

Он колебался, но потом кивнул. Он отпустил её руку и отошёл, и она увидела, как он вытирает глаза. Он плакал.

— Я помогу тебе, — сказал он. — Я сделаю всё, что смогу. Но ты должна обещать мне одну вещь: ты не пойдёшь одна. Ты не бросишься в бой, не подумав о последствиях.

— Я обещаю, — сказала она, и в её голосе была усталость, но не смирение. Она не сдастся. Она никогда не сдастся.

Она вышла из квартиры и направилась в старый квартал. Внутри неё бушевала буря эмоций — гнев, боль, предательство, но она сдерживала их. Она не могла позволить себе слабость. Она должна была быть сильной.

Себастьян ждал её у ворот. Он, казалось, знал, что она

придёт. Он посмотрел на неё, и в его глазах была та же боль, что и у неё.

— Твой отец рассказал тебе, — сказал он. Это не был вопрос.

— Он знал всё это время, — сказала она. — Он знал, что она жива, и позволил ей страдать двадцать лет.

— Он делал это, чтобы защитить тебя, — сказал Себастьян. — Я знаю, что это не оправдывает его, но он любит тебя. Он всегда любил тебя.

— Любовь не оправдывает ложь, — сказала она. — Я собираюсь спасти её. Ты поможешь мне?

Себастьян кивнул.

— Я помогу тебе, — сказал он. — Но ты должна понимать, что это опасно. Если ты освободишь её, барьер падёт. Жрецы проснутся. И мы должны быть готовы к этому.

— Я готова, — сказала она. — Я готова ко всему.

Они пошли в библиотеку, чтобы подготовиться. Алиса чувствовала, как внутри неё растёт решимость. Она не позволит матери умереть. Она не позволит Жрецам уничтожить мир. Она найдёт способ спасти всех — даже если это будет стоить ей жизни.

В библиотеке Себастьян разложил перед ней карты и книги. Он показал ей план подземелий, указал на место, где держали её мать.

— Мы должны быть осторожны, — сказал он. — Жрецы знают, что ты знаешь правду. Они будут ждать тебя. У них

есть ловушки.

— Я готова к ним, — сказала она. — Я не боюсь.

Он посмотрел на неё, и в его глазах было уважение.

— Ты стала сильнее, — сказал он. — Ты — не та девушка, которую я встретил несколько дней назад. Ты — Жрица.

Она не ответила. Она чувствовала, как внутри неё растёт сила, но она также чувствовала, как эта сила меняет её. Она становилась кем-то другим — кем-то, кто мог изменить мир. Или уничтожить его.

Они провели несколько часов, изучая планы и готовясь к спуску. Когда они наконец были готовы, Алиса встала и посмотрела на Себастьяна.

— Пошли, — сказала она. — Мы идём спасти мою мать.

Они вышли из библиотеки и направились к входу в подземелье. Ночь была тёмной и холодной, и над городом висела луна, почти полная. Алиса чувствовала, как её сила пульсирует в такт с этой луной, и она знала, что это знак. Она на правильном пути.

Они спустились по каменным ступеням, и воздух стал влажным и холодным. Запах сырости и плесени смешивался с чем-то ещё — древним, почти забытым. Алиса чувствовала, как её печать начинает светиться, освещая путь.

— Мы почти пришли, — сказал Себастьян. — Она там. Но будь осторожна. Я чувствую что-то — неладное.

Они вошли в большой зал, где стоял алтарь. Но Алиса замерла на пороге. На алтаре сидела фигура в чёрном капю-

шоне. И когда фигура подняла голову, Алиса увидела лицо, которое заставило её сердце остановиться.

Это был Алексей. Её брат.

Он улыбнулся, и его улыбка была холодной и злой.

— Привет, сестра, — сказал он. — Я ждал тебя.

Алиса отшатнулась, и её печать вспыхнула ярким светом.

— Ты? — прошептала она. — Ты — тот, кто создаёт гибридов?

Алексей поднялся с алтаря и шагнул к ней. Его глаза разного цвета — один серебряный, один чёрный — светились в темноте.

— Я хочу разрушить барьер, — сказал он. — Я хочу, чтобы мы перестали быть рабами лун. Три луны — это клетка. Я открою её.

Алиса смотрела на него и чувствовала, как внутри неё разрастается ледяной ужас. Её брат. Тот, кого она никогда не знала. И он был врагом.

— Ты убивал людей, — сказала она, и голос её дрогнул. — Ты убивал волков и людей. Ты создавал гибридов.

— Я делал то, что должно было быть сделано, — сказал он. — Чтобы освободить нас. Чтобы дать нам свободу.

Алиса шагнула к нему, и в её глазах горел серебряный свет.

— Ты — чудовище, — сказала она. — Ты — не мой брат. Он улыбнулся, и его улыбка была печальной.

— Я — твой брат, — сказал он. — И я люблю тебя. Но

я должен сделать это. Я должен разрушить барьер. И ты не сможешь остановить меня.

Он исчез в тени, оставляя её одну с алтарём, на котором лежала её мать. Алиса подбежала к ней и коснулась её руки. Она была жива. Едва, но жива.

— Я спасу тебя, — прошептала она. — Я обещаю.

И в этот момент она знала: её брат — её враг. И она должна остановить его, даже если это разорвёт её сердце.

Глава 8. Ночь Кровавой Луны

Алиса стояла на коленях у алтаря, сжимая холодную руку матери, и чувствовала, как внутри неё бушует шторм. Только что она узнала, что её брат, которого она никогда не знала, был тем самым монстром, который убивал людей и создавал гибридов. Он хотел разрушить барьер. Он хотел пробудить Третью Луну. И он был готов уничтожить всё, чтобы достичь своей цели.

— Мама, — прошептала она, касаясь бледного лица Елены. — Я здесь. Я не оставлю тебя.

Елена открыла глаза. Они были тусклыми, как угасающие звёзды, но в них всё ещё теплилась искра жизни. Она посмотрела на дочь, и её губы шевельнулись в слабой улыбке.

— Алиса, — сказала она, и голос её был едва слышен. — Ты должна уйти. Он вернётся. Он приведёт их.

— Я не уйду без тебя, — сказала Алиса, и её голос был твёрдым. — Я пришла, чтобы спасти тебя.

— Ты не можешь, — сказала Елена. — Цепи скованы магией Жрецов. Только кровь Жрицы может разорвать их. Или смерть того, кто их создал.

Алиса посмотрела на серебряные цепи, которые опутывали тело матери. Они светились слабым голубоватым светом, пульсируя в такт с дыханием Елены. Она протянула руку и коснулась одной из них. В тот же миг её печать на лбу вспых-

нула ярким серебряным светом, и цепи задрожали.

— Я чувствую, — сказала она. — Я чувствую их силу. Они связаны с Третьей Луной.

— Да, — сказала Елена. — Они питаются её энергией. Если ты сможешь разорвать связь, они разрушатся.

Алиса сосредоточилась. Она закрыла глаза и почувствовала, как её собственная сила начинает расти, пульсируя в такт с сердцем. Она представила, как свет, исходящий от её печати, проникает в цепи, разрывая их изнутри. Она чувствовала, как магия Жрецов сопротивляется, но она была сильнее. Она была дочерью Жрицы.

Цепи заскрежетали и начали трескаться. Елена вскрикнула, когда одна из них разорвалась, и её тело дрогнуло. Алиса продолжала, не останавливаясь. Она чувствовала, как силы уходят, но она не могла остановиться. Она должна была освободить мать.

Но в этот момент зал наполнился звуками — шагами, эхом, которое отражалось от стен. Алиса обернулась и увидела, как из тени появляются фигуры. Гибриды. Их было больше десятка, и они двигались бесшумно, как призраки.

— Они здесь, — прошептала Елена. — Они пришли за тобой.

Алиса встала и шагнула вперёд, заслоняя мать своим телом. Её печать горела ярче, чем когда-либо, и она чувствовала, как сила наполняет её мышцы.

— Остановитесь! — закричала она, и голос её разнёсся по

залу. — Я — Хранительница Трёх Лун. Я приказываю вам уйти!

Гибриды заколебались, но не остановились. Они продолжали двигаться вперёд, их глаза горели красным и серебряным светом. Они не боялись её. Они подчинялись только одному — своему создателю.

— Алексей, — прошептала она. — Что ты наделал?

Из тени вышел он. Его лицо было спокойным, почти безразличным, и он смотрел на неё с лёгкой улыбкой.

— Я создал их, чтобы освободить нас, — сказал он. — Они — мои дети. Они — будущее.

— Они — чудовища, — сказала Алиса, и её голос дрожал от гнева. — Ты убивал людей, чтобы создать их. Ты — не брат мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.